18+

Яна Белова

Сны Великого Моря. Мертвый Ветер



Яна Белова

Сны Великого Моря. Мертвый Ветер

«Издательские решения»

Белова Я.

Сны Великого Моря. Мертвый Ветер / Я. Белова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671495-3

Продолжение серии книг «Сны Великого Моря». Гаитоэрант освоился в Алаутаре, доволен и счастлив. Он уверен, что живет в лучшем мире. И вдруг выясняет, что и тут кому-то бывает плохо. Непорядок, это следует исправить…

ISBN 978-5-00-671495-3

© Белова Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 37
Глава 3 63
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Сны Великого Моря. Мертвый Ветер

Яна Белова

Иллюстрации ЭЛИЗ https://eliz63.ru/ электронное издательство
Дизайнер обложки электронное издательство ЭЛИЗ https://eliz63.ru/

© Яна Белова, 2026
© электронное издательство ЭЛИЗ https://eliz63.ru/, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0067-1495-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero


КАЛАНГАК
ИЛКОР
РЕБДМЕГ
УЛИМЕР
ИЛОКР
СОТБОР
МИЛЬД
ФИРОБАРХОР
СОУЛАН
КАЮН
БАЙКУР
река НЕЯ
ХОРРОГ
ДАВАЛИКАР
ПААДА
ЛАКДА
река ЛЕЯ
ЯБРОН
ЛИЯЛИ
САЙМУР
КАНЮР

Глава 1

— Это странная ухмылка судьбы, — улыбнулась Шартабэль-Деми, погладив по щеке стоявшего перед ней с ее меховой зимней накидкой в руках мужчину, — Мы с тобой носители элементов Акшор, знакомы скоро будет двадцать лет как, регулярно спим вместе и при этом остаемся в приятно необязывающих отношениях.

Гай улыбнулся, помогая ей надеть верхнюю одежду.

— Я расцениваю это как подарок моей судьбы. Возможно, я не создан для отношений с обязательствами. Было бы совершенно нелепо при этом пасть жертвой притяжения Акшор. Я рад, что твое сердце также цепко держится за привязанности прошлого, как и мое собственное. Это бережет нас от новой любви и новых разочарований.

Шартабэль-Деми кивнула, прощаясь.

Закрыв за гостьей дверь, Гай бросил взгляд на собственное отражение в зеркальной створке шкафа для верхней одежды.

Его любили женщины, так всегда было, к этому он давно привык. На вид ему никто не дал бы и тридцати лет. Двадцать три года, проведенные в Алаутаре, внешне не состарили его ни на один день. Черные, густые, волнистые, блестящие волосы почти доставали до плеч, точеные правильные черты лица, карие глаза, калатарийское неуловимое изящество, при этом отлично читаемая физическая сила и солидный магический потенциал. Мало кто в Алаутаре был в курсе, насколько этот потенциал велик. То, что он в свои 54 года выглядит, как едва достигший возраста полной силы юнец, не удивляло тут никого. Чем сильнее был маг, тем дольше он жил и меньше менялся внешне после достижения двадцати пяти лет. Именно в этом возрасте магический потенциал становился полностью стабилен, маг получал над ним полный и однозначный контроль и осознание его масштаба.

В Алаутаре, в мире, в котором Гаю так понравилось жить, не было понятия «совершеннолетия». Детьми считались те, кто не достиг возраста первой силы (15 лет), а дальше многое зависело от конкретной семьи. Ведьмаки и калатари предпочитали считать детьми всех, не достигших двадцати пяти лет. Однако калатари и ведьмаки марбо, после двадцати лет отпрысков не считали возможным каким-либо образом контролировать «ребенка» или без ясно выраженного согласия вмешиваться в его дела и жизнь. В семьях ведьмаков пальори родительский контроль сохранялся в полной мере до возраста полной силы, исключений было мало. В семьях аркельдов, особенно, в случаях, когда магический потенциал детей был невелик, и их жизнь не обещала быть долгой, взрослели рано. Сразу после окончания начальной немагической школы (16—17 лет) ребенок волен был самостоятельно выбирать свой путь и принимать решения о своей судьбе. Конечно, родители помогали с дальнейшим образованием, деньгами, нужными знакомствами, поездками, работой, жильем даже, часто, после того, как «ребенок» достигал возраста полной силы, но никогда не контролировали и не вмешивались в его дела, считая, что их ребенок уже взрослый по умолчанию.

Шартабэль-Деми в свои 86 выглядела не старше Гая. Она была магистром в школе Отанак и никого не удивляло, что уважаемая профессор внешне не отличается от студентов магической школы. Сильный маг не мог выглядеть в 86 лет иначе. Разве что искусственно изменил бы собственную внешности, визуально прибавив себе возраста.

Однако то, насколько Гай был могущественен, для Шартабэль-Деми, знавшей его двадцать лет, также оставалось тайной. Он был воплощением Стихии Огня, а не просто сильным магом. Воплощения Стихий могли жить вечно, если желали того и если Стихии не надоедало быть воплощенной в данном теле.

Гай, хоть ощущал себя смертным пятидесяти четырехлетним «почти подростком», прекрасно знал, кто он есть. Двадцать три года назад, Великая Стихия Изначального мира — Гаи-

тоэрант, поживший и разочаровавшийся в мире людей, решил вновь стать смертным и жить в Алаутаре. Потому дух Гаитоэранта воплотился в смертном теле, став тем, кого большинство алаутарцев знали как Гая — сильного мага, много лет прожившего в приюте неизлечимо больных и навсегда безумных, пока однажды его не излечила госпожа Солеа — создательница Алаутара, посетившая свой мир с краткосрочным визитом. О том, кто есть Гай на самом деле, знал Верховный Совет Алаутара, Стражи Порядка Калантака и несколько его близких друзей.

— Господин, подавать завтрак? — спросил слуга Каро, появившийся в столовой.

— Да, неси. Кофе, сыр, фрукты и тураны с апельсином.

Тураны по вкусу напоминали бельгийские вафли, сверху которых наносили фруктовый желейный соус.

— Сию минуту.

Каро степенно удалился. Он служил у Гая все двадцать три года и, в отличие от своего нанимателя, сильно изменился. Каро жили, самое большее, 80—90 лет и в сорок пять считали себя повидавшими жизнь, умудренными опытом. Внешне каро напоминали прямоходячих собак или кошек. Чем взрослее был каро, тем сильнее седела его шерсть и пышнее становились усы.

Гай уселся за стол, предвкушая неспешный завтрак в одиночестве. Шартабэль-Деми торопилась на занятия, и редко когда оставалась у него на завтрак. Они просто иногда проводили вместе ночи. Никаких обязательств, ничего личного, просто хороший секс. Он мало знал о ней и ее жизни, она избегала задавать ему вопросы о нем самом. Мага Глубоких Омутов могли затянуть тайны, потому она упорно игнорировала все в нем, что будило ее любопытство и воображение. Есть официальная версия — Гай сильный маг, придумал алкогольный напиток хоррор, запустил его производство, потому богат, еще очень молод, потому не заинтересован в отношениях с обязательствами, дружит с магами Верховного Совета, потому что был исцелен и, соответственно, избран Великим Морем, госпожой Солеа. Все просто, прозрачно, никаких тайн.

В дверь постучали, Гай чертыхнулся. Он не сомневался, что вчерашнее происшествие в штольнях рудника макалита, принадлежащего родному брату аркельда Кадана — живого воплощения Мертвой Материи, не оставит его в стороне.

Пострадали двадцать семь работников и охранников рудника. Отравились непонятным черным дымом, появившимся ниоткуда и исчезнувшим в никуда. Шесть работников в тяжелом состоянии находились в госпитале, их жизни ничего не угрожало, но процесс восстановления грозился затянуться на несколько недель. Десять ведьмаков на короткое время лишились зрения и, поскольку именно зрение было у них наиважнейшим каналом получения информации об окружающем пространстве, этого хватило, чтобы они все получили серьезные травмы, пока выбирались из «отравленных штолен». Слепой ведьмак терял координацию и становился беспомощным, мог упасть на ровном месте. Потому десять несчастных с многочисленными переломами также оказались в госпитале. Остальные работники рудника отделались легким испугом, раздражением глаз, несварением, тошнотой, головокружением, синяками и шишками, пока бежали по погрузившимся в кромешный мрак коридорам на выход.

Как только новости из штольни докатились до Калантака и главы Верховного Совета Волрклара, стало понятно, что данным происшествием будут заниматься Верховные Маги. Гай давно привык, что все проблемы Верховного Совета автоматически становятся и его тоже. Однажды он неминуемо войдет в состав Совета, он был воплощением Стихии, мог научиться создавать цесмарилы (волшебный метал, из которого отливали ашины — валюту Алаутара), только члены Верховного Совета были на это способны, именно потому и являлись Верховными Магами.

Гай дал себе зарок — сначала устроить личную жизнь, обзавестись отношениями с обязательствами, и лишь после того объявлять на весь Алаутар, что он воплощение Огня Гаи-

тоэрант и занимать соответствующую этому статусу должность и положение. Ему нравилась жизнь простого жителя Алаутара, за двадцать три года он так и не смог прельститься перспективой быть тем, кого знает весь мир, о чьей жизни рассказывают детям в школах, перед кем почтительно замирают и кому говорят исключительно «вы».

Пока он помогал в делах Верховному Совету тайно и исключительно «на добровольных началах». Никто не обязывал его это делать. Просто он иначе не мог. И как бы не ворчал порой, никогда не хотел этого изменить.

На пороге стоял Волрклар. Ведьмак пальори с серебристыми глазами — живое воплощение Эфира, который перестал считать собственные годы после 60-тысячного дня рождения. С тех пор прошло уже много тысяч лет. При этом Волрклар выглядел как ведьмак среднего возраста, был силен, здоров и полон магии.

— Чего это ты такой вежливый? — подозрительно прищурился Гай, открывая перед гостем дверь пошире, — Не мог сразу в гостиной появиться?

Волрклар широко улыбнулся, зашел в дом и, заметив слугу каро с подносом, потер руки.

— Ну, у меня сегодня вежливое настроение. Завтракаешь?

— Принеси еще один прибор, — бросил Гай слуге, закрыл дверь и вернулся к столу, за которым уже устроился вежливый гость.

Волрклар, как и Гай, не любил церемоний.

— Что там в руднике?

— Это весьма интересная история, тебе сначала очень не понравится, но потом, уверен, ты оценишь, — протянул Волрклар, с видимым удовольствием отправив в рот турану и наливая себе чашку крепкого ведьмацкого кофе.

— Я аппетит не потеряю? — на всякий случай осведомился Гай, пристраивая в апельсиновый джем поверх вафли кусочек мягкого сливочного сладковатого сыра.

— Я подожду, пока ты поешь, не переживай, — отозвался гость, решив последовать примеру хозяина и попробовать турану с сыром, — Вкусно. Идеальный завтрак. Правда, время уже половина первого, многие бы сочли, что пора обедать.

— Мне их искренне жаль, — засмеялся Гай, — По-моему, утро бывает добрым только, если начинается ближе к полудню.

— Коромэлл с тобой целиком и полностью солидарен, — усмехнулся Волрклар, — Я склонен считать ваше пристрастие к началу дня в полдень влиянием Внутреннего Поля.

Четырнадцать лет назад у Волрклара и его супруги Айры родился сын — хорро Коромэлл. Строго говоря, Коромэлл родился далеко не впервые, Айра и Волрклар просто призвали его в Алаутар, сделав в этот раз своим сыном. Хорро перерождались, но в каждой своей жизни оставались одинаково собой. Один и тот же хорро, сменивший сотни родителей, выглядел, достигая возраста полной силы, ровно так, как выглядел в самой первой своей жизни. Воспоминания о прошлых жизнях многим хорро не нравились, они старались не тревожить глубокие слои своей бездонной памяти. Коромэлл пока был ребенком и не помнил ничего из своих прошлых жизней. Супруга Волрклара — Айра тоже была хорро и знала о своем сыне все. И выбрала сделать именно его своим сыном далеко не случайно. Она считала что Коромэлл по складу натуры похож на Волрклара.

— То есть Коромэлл со мной солидарен, а ты нет? — хихикнул Гай.

Волрклар на секунду задумался и улыбнулся.

— Я отвык вставать так поздно. Я смотрю на него как в зеркало собственной юности. С детьми ты будто получаешь шанс заново прожить первые годы своей жизни и вспомнить себя молодым. Это потрясающий опыт, скажу я тебе.

— Сказал тот, кто, мягко говоря, не торопился обзаводиться детьми.

Коромэлл был первым ребенком Волрклара за всю его сотне тысячелетнюю жизнь.

Ведьмак засмеялся:

— Тебе точно не стоит так тянуть. Не бери с меня пример.

За разговорами они не заметили, как доели тураны и допили кофе. Гай приказал слуге подать трубки и табак.

— Ну, рассказывай теперь, что случилось на руднике, — вздохнул он, когда каро собрал посуду и удалился.

Волрклар поморщился.

— Судя по всему, виноват сын Нирдэра — хранителя сокровищ. Что произошло конкретно, я не знаю, нам предстоит это выяснить, но то, что виновник установлен, у меня сомнений нет.

— И что в этом мне может не понравиться? — удивился Гай, — Негодяй известен, он скрылся и его надо ловить?

— На днях ему исполнится восемнадцать лет.

Настала очередь морщиться Гаю.

— Ну, возможно, это несчастный случай или неосторожное использование магии, мальчишка просто дурак и никакого злого умысла не было…

— Я очень на это надеюсь, — кивнул Волрклар, — Только это мало что упрощает. Нирдэр принадлежит к одному из одиннадцати кланов абсолютно чистокровных ведьмаков пальори. Среди его предков не было аркельдов, ведьмаков марбо или нечистокровных пальори. Так они сохраняют природную магию. В целом, действительно магия этих одиннадцати кланов уникальна. Оборотничество, способность к заклинанию камней, способность становиться невидимыми, умение по капле крови диагностировать болезни, огромная, даже по меркам ведьмаков пальори, физическая сила. Как ты понимаешь, все одиннадцать кланов тесно связаны между собой, буквально родственники. Они не будут рады тому, что один из чистокровных окажется вне общины, их браки строго регулируются, потому как кровосмешение недопустимо, а нечистокровный ведьмак не годится для продолжения чистокровного рода. Если Нирдэр решит воспротивиться нашему решению, не смотря ни на что, его поддержит вся община, а это около шести тысяч ведьмаков пальори и около двух тысяч живут на севере и возникнут мгновенно.

— Мать моя женщина, — хмыкнул Гай, — Как же любят некоторые усложнять себе жизнь. И что, никто не нарушал никогда этих правил, не сочетался браком с калатари, аркельдом или с не настолько чистокровным ведьмаком?

— Нет, ты не понял, они обязаны заиметь хотя бы одного чистокровного ребенка пальори, это их долг перед общиной. Они вовсе не против браков со всеми остальными, пожалуйста, жизнь длинная. Изволь потратить 25—30 лет на временный брак для рождения минимум одного ребенка с чистокровным представителем ведьмацкой расы, а дальше люби хоть кого, — ухмыльнулся Волрклар, — Жена Нирдэра до брака с ним побывала замужем за аркельдом. К сожалению, он погиб двадцать лет назад в Ребдмере, он был одним из тех горняков, которых убили тафы. Ты помнишь эту историю. Она до сих пор была бы замужем за тем аркельдом, но он знал, на ком он женился, наверняка, в их брачном договоре был пункт о необходимости для нее родить минимум одного чистокровного ребенка пальори, помимо их совместных детей, и был прописан «отпуск от семейной жизни» длинной в 25—30 лет. Ее муж погиб и теперь она замужем за Нирдэром. От первого брака у нее есть сын, разумеется, ведьмак, но он избавлен от обязанности продолжать ведьмацкий род, ведь он нечистокровный.

Волрклар, будучи воплощением Эфира, мог при желании узнать любые факты биографии любого жителя Алаутара, просто как следует настроив свои чудо зеркала. Суть Эфира — знания обо всем, что происходило, происходит и, отчасти, будет происходить дальше. Будущее вариативно, Волрклар не любил направлять свое внимание в зыбкие топи вероятностей. Лишь о том, что имело шанс сбыться с вероятностью в 95 и более процентов, он говорил вслух и считал важным.

— Тебе не предлагали в жены чистокровную ведьмачку? Ты же сам чистокровный пальори Изначального мира.

— Примерно раз в тысячелетие мне поступают подобные предложения, — хмыкнул он.

— Ладно, подытожим. Молодой балбес напустил черного дыма в штольни рудника. Из-за этого пострадали двадцать семь работников. Кстати, что он там делал? — Гай раскурил трубку и плеснул себе в бокал виски.

Ему удалось наладить производство любимого напитка в Алаутаре. Он до сих пор был этому рад, хоть с того момента прошло уже двадцать лет. Хоррор пользовался спросом и сделал его богатым, как и его партнера по бизнесу ведьмака Мальшарда.

— Обычное дело. Все таскают детей на работу время от времени, — пожал плечами глава Верховного Совета, — тем более, Нирдэру важно вырастить из своего сына продолжателя семейной традиции. В его роду есть талантливые заклинатели камней.

— Я так понимаю, нам надо выяснить мотивы мальчишки и максимально аккуратно замять эту историю, если злого умысла не было? — резюмировал Гай.

Волрклар вновь тяжело вздохнул.

— Парень очень силен. Я практически уверен, что он не воплощение зла и произошедшее — случайность. Нирдэр не сможет взять подобную магию под контроль или нейтрализовать последствия. Мы должны забрать мальчишку из клана Нирдэра и найти ему более могущественного опекуна. Обычаи семей чистокровных ведьмаков пальори — слишком большой риск того, что в ближайшие годы похожая ситуация унесет много жизней. И я вижу именно тебя его опекуном. Хоть тресни.

— Меня?! — Гай подавился табачным дымом, — За что мне такая честь?

— Я понятия не имею, — развел руками Волрклар, — Но это так однозначно рисуется мне, что не оставляет даже сотой доли сомнения, именно так будет.

Гай с трудом откашлялся и налил себе уже полный бокал виски.

— Какой бред. Я не готов к такому. Мне даже думать о подобном дико. Я не создан для наставничества или родительских обязательств.

— Ты лукавишь, — губы собеседника растянулись в улыбке, сверкнули ведьмацкие клыки, вытянутые кошачьи зрачки глаз сузились до щелочек, — Ты, сам того не заметив, был прекрасным опекуном для Мальшарда. И дарик Ордъёраин, помнится, тоже был твоим учеником и до сих пор тебе благодарен за это.

— Не мне, а Гаитоэранту, — поправил его Гай.

Волрклар махнул рукой, отметая этот аргумент.

— Давай, начнем с малого, слетаем в дом Нирдэра и выясним, что все-таки случилось вчера, поговорим, оценим обстановку, настроения отца и сына.

— Вдвоем полетим? Без Стражей Порядка?

— Я предпочел бы не посвящать Ордъёраина на этом этапе, Стражи Порядка слишком близки его дому.

Гай скорее почувствовал, чем понял истинный мотив. Все маги Огня легко различали мотивы, а также ложь. Волрклар был честен. Он не хотел, чтобы Ордъёраин был свидетелем порядков чистокровных пальорских семейств. Не хотел, чтобы у того всплыли воспоминания юности, не желал после противостоять негативу друга, защищая от его гнева 11 чистокровных кланов.

— Думаешь, парень избит?

— Уверен, он совершил тяжелый проступок.

Гай поймал себя на мысли, что если бы их разговор начался с этой, с точки зрения Волрклара, незначительной детали, он уже заранее согласился бы поселить малолетнего преступника в своем доме. Наверняка, Волрклар это знал, именно потому не сказал об этом сразу, дав ему возможность увидеть ситуацию без эмоций.

В глазах полыхнул гнев. Гаитоэрант вспомнил, как ненавидит подобные воспитательные методы. Гай допил виски и заставил себя вспомнить также, что Алаутар ему нравится таким, каков есть.

— Ты прав, Ордъёраина посвящать в подробности пока не стоит, мы вдвоем прекрасно справимся.

Спустя десять минут они стояли на краю широкой, едва припорошенной снегом дороги, по бокам которой тянулись двухметровые сугробы.

Волрклар перенес их к границе владений Нирдэра, жившего с семьей на окраине Калантака, в отдельно стоящем двухэтажном особняке, окруженном хвойным парком. Севернее простиралась покрытая глубоким снегом равнина Пустошей, чуть западнее высились учебные и жилые здания магической школы Крамбль, которую в свое время окончил Гай, восточнее, на значительном расстоянии располагались портовые склады, город переливался огнями в некотором отдалении. Вокруг же было тихо и пусто, только снег и оранжево-зеленые всполохи северного сияния в сизых сумерках тусклого зимнего дня.

Калантак располагался на севере. Примерно две-три недели в году дни здесь походили на вечер, зато небо расцвечивалось в небывалые тона. Сейчас стояли самые холодные и темные дни. В небе, несмотря на начало второго часа после полудня, блестели кристаллики звезд. Изо рта вырывались струйки пара. Гай достал из кармана и увеличил леталку — гир. Волрклар последовал его примеру.

— Не люблю я их, — проворчал он, увеличивая свое похожее на самокат летающее транспортное средство, — Коромэлл в восторге, а я нет.

— В его возрасте тебе, быть может, тоже бы понравилось такое.

— Скорее всего…

Дорога вела прямиком к дому. Волрклар и Гай летели низко, буквально в метре над землей, на минимальной скорости, давая возможность слугам и хозяевам дома разглядеть, кто к ним пожаловал. Нирдэр встретил их у двери. Сложил руки в почтительном жесте приветствия. Удивленным он не выглядел, видимо, прекрасно понимая, что не сможет избежать подобных гостей.

Ведьмаки мало менялись с возрастом, лишь ближе к 300 годам лишенный магической силы ведьмак старел — выцветали глаза, кожа становилась светлой (все ведьмаки, независимо от касты были смуглыми, беловолосыми, имели ровные черные брови и ресницы и вытянутые зрачки практически лишенных белков глаз), с возрастом у них портилась осанка, появлялись болезни суставов, кости становились легкими и хрупкими. Ведьмак маг в 300 лет выглядел точно также как в 25. Возраст больше угадывался по манерам и глазам. Нирдэр был типичным пальори магом — высокий, широкоплечий, сдержанный, внешне суровый. Он давно знал, на что он способен и где предел его возможностей. Ярко-желтые, как у кота, глаза смотрели твердо, без вызова и тревоги.

«Лет 250 ему точно есть» — решил про себя Гай. И не ошибся.

— Я приветствую вас в своем доме, дарик Волрклар, господин…

— Господин Гай, возможно, вы слышали о нем, — представил своего спутника глава Верховного Совета, — Мы пришли поговорить с вашим сыном, а после с вами.

Нирдэр кивнул, ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Прошу.

Из глубины дома вышла девочка ведьмачка лет 14 и мальчик ведьмак лет 10—11. Увидев гостей, они молча поклонились, мальчишка при этом восхищенно уставился на Волрклара.

— Мои дети, Гелара и Ардрид, — коротко представил их отец и махнул рукой, требуя удалиться.

Гелара улыбнулась, взяла брата за руку и, едва заметно кивнув, увела его в комнату.

— Нам туда, — хозяин прошел вперед, гости последовали за ним.

Их путь лежал в подвал, точнее на второй подземный этаж. В домах ведьмаков пальори часто было по несколько подземных этажей, там размещались мастерские, кухня и хозяйственные помещения, реже большая купальня (несколько закрытых душевых, выходящих к прохладному плавательному бассейну). В доме Нирдэра второй подземный этаж был именно подвалом, тут был винный погреб, холодные кладовки и, как выяснилось, настоящая тюремная камера — комната с толстой металлической дверью, запертая на массивный засов и с прилегающей крохотной ванной комнатой.

В комнате было темно. Ведьмаки отлично видели в темноте, в отличие от Гая, который в свете коридорного светильника сумел разглядеть внутри только широкий толстый матрас, на котором лежал укрытый одеялом пальори подросток. Ростом он уже был практически с Гая (чей рост был 183 см), однако комплекцией заметно уступал как своему родителю, так и Гаю, который был отлично сложен, не смотря на ускользающее аристократическое изящество носителя калатарийской крови. Парень не пошевелился, когда открылась дверь.

Нирдэр взял с полки на стене пузатый пузырек и склонился над матрасом. Парень закашлял, Нирдэр осторожно, но без каких-либо сантиментов помог ему подняться и сесть на стоящий у стены стул. Звякнули цепи самых настоящих кандалов. Гая передернуло.

— С тобой хотят поговорить.

Из темноты сверкнули изумрудно-зеленые, словно у батъёри, глаза. Цвет ведьмацких глаз отлично различался в темноте, они светились, будто фонари. И не только у ведьмаков, у аркельдов с большой примесью ведьмацкой крови, порой, тоже.

— Что ты сделал вечера? — спокойно спросил Волрклар.

Вместо мальчишки ответило его сознание, он даже рта не открыл. Магия Эфира лишала возможности врать.

— Я вскрыл жилу макалита, развеял до газа. Я хотел покрасить кончики волос. Обычные краски не ложатся на ведьмацкие волосы. Макалит плотный, но дорогой… и отец не позволил бы в любом случае. Я хотел как будто случайно…

Гай с трудом подавил неуместный смешок. Нирдэр облегченно вздохнул и едва слышно процедил сквозь зубы:

— Позор моего дома.

Волрклар же невозмутимо продолжал:

— Макалит — самый плотный металл. Как у тебя получилось воздействовать на него, он не поддается обработке кроме как магическим давлением шести сфер белого огня?

— Любой металл или камень можно превратить в пыль или газ. Мертвому неважна форма, оно уже мертво, оно не сопротивляется. Я не знал, что в газ превратиться все и что его будет так много. Я не хотел никому вредить, — он замолчал, голова безвольно свесилась на грудь.

Нирдэр шагнул к нему, приложив к носу флакон еще раз. Снова кашель, но голова осталась опущенной.

— Я заберу его в «Круг Магов» до Верховного Совета. Подвал и цепи легко превратятся в пыль, сами слышали, — безэмоционально сообщил Волрклар, обращаясь уже к отцу, — Нам нужно время для обдумывания и принятия решения, пока он побудет в Паутине Мирасо.

Гай не сомневался, что это говорится не только для отца, но и для сына. Тот слышал и не сделал ни малейшей попытки к сопротивлению. Гай знал, что подкинутая главой Верховного Совета идея была немедленно обдумана и отброшена. Мотива рушить родительский дом не было, зато появился страх сделать это случайно.

— Он будет жить? — голос Нирдэра дрогнул.

— Безусловно, его право на жизнь не подвергается сомнению, в его действиях не было злого умысла. Однако он причинил ущерб здоровью многих смертных, нанес колоссальный

ущерб имуществу и репутации господина Модирмаха — владельцу рудника и, как я знаю, вашего давнего друга. Ваш сын могущественный маг. Совет примет решение.

Нирдэр кивнул, и Гаю показалось, что вздохнул несколько свободнее.

— Мне нужно обсудить с вами еще один вопрос, если позволите, я отправлю вашего сына и господина Гая и через какое-то время вернусь, — добавил Волрклар, подходя ближе к вновь отключившемуся, судя по отсутствию каких-либо стремлений, мальчишке.

— Для меня честь принимать вас в своем доме, дарик Волрклар, — отозвался Нирдэр.

Мысли его были далеко, он обдумывал варианты возмещения Модирмаху имущественного ущерба. Судя по всему, прежде он упустил из вида факт, что целая жила ценнейшего в Алаутаре металла стала пылью и газом.

Гай коротко кивнул на прощание и протянул руку Волрклару, готовому перенести их в один миг куда угодно.

Волрклар единственный в Алаутаре, кому не мешали перемещаться в чужие дома защитные заклинания хозяев, если поблизости было зеркало, отлитое из песка Эфирного леса. Он всегда носил маленькое зеркало в кармане. Впрочем, в домах его друзей в защитные заклинания было добавлено разрешение для него пользоваться любой магией на хозяйской территории. В домах простых алаутарцев защитных заклинаний, способных блокировать магию воплощений Стихий, как правило, не водилось вовсе. Сам Волрклар никогда не злоупотреблял своими способностями.

— Я буду ждать вас наверху. Мое почтение, — поклонился на прощание Нирдэр.

В следующий миг Гай оказался в собственной гостиной. Волрклар магией аккуратно опустил мальчишку на диван животом вниз, тот не отреагировал. Гай, наконец-то, сумел разглядеть своего будущего подопечного. Белые, торчащие во все стороны волосы были действительно выкрашены на концах в черный цвет, высокий, стройный, в черных замшевых штанах и очень тонкой темно-серой свободной рубашке с темными разводами на спине, на вытянутых вперед руках — широкие, плотно облегающие запястья, светло-желтые браслеты, соединенные крепкой цепью, бледный. Что-то в его лице насторожило сразу.

Гай дотронулся до цепи, та вспыхнула белым пламенем и исчезла вместе с браслетами.

— Ну вот, а я хотел тебе объяснить, что это — гасители магии чусдек, — усмехнулся ведьмак, — зря снял, вдруг буянить начнет в бреду.

— Слушай, а он не пальори, — вдруг осенило Гая, разглядывающего покрытые синяками распухшие запястья парня, — кость тонкая и лицо, ты посмотри на него — аркельд с мощной примесью калатарийской крови, в самом диком случае, батъёри Изначального мира, но им, сам знаешь, сюда путь заказан.

— Так, мне надо поговорить с Нирдэром, — прервал его Волрклар, — Я расскажу тебе о нем позже. Он сын своего отца и матери, на сто процентов чистокровный ведьмак и все такое, но это нормально, что он так выглядит. Я объясню, а пока, извини, мне надо закончить начатое. Мы с тобой успеем обсудить что угодно и потом.

И пропал. Гай щелкнул пальцами, в пустом камине заплясал огонь. От парня ощутимо несло кровью, догадаться о происхождении пятен на рубашке не составило труда.

— Ну, и что мне с тобой делать? Я не целитель, — буркнул он. И вдруг вспомнил о недавнем изобретении лекарей Калантака, точнее Карин, дочери его старого друга Кадъераина.

Карин пять лет назад закончила магическую школу Намариэ и сразу прославилась на весь мир, создав уникальную заживляющую эмульсию, благодаря которой все раны затягивались быстро и легко.

Оригинальный рецепт мало кто мог повторить, потому как кроме целебных трав, воды с ионами серебра и эфирных масел, в состав входила магия ведьмачки батъёри, чей потенциал был близок магии Силы Жизни. Повторить оригинальный рецепт могли только воплощения Живой Материи — дари Тасима и дари Йольрика. Остальным либо не хватало мощи магии

Силы Жизни, либо знаний целителя. Даже Кайлин — еще одна знаменитая целительница Алаутара, не могла воспроизвести этот рецепт, ее магия основывалась на силе Воды, а не Силе Жизни.

Стандартные ингредиенты — настойки, вытяжки, масла и серебряную воду ныне использовали все сильные целители. И даже без магии батъёри и Силы Жизни эмульсии из этих ингредиентов «творили чудеса», просто значительно медленнее. У Гая же был пузырек с «настоящим чудом». Карин ему подарила на «всякий случай».

Вернувшись из своего кабинета с заветной склянкой, он позвонил в колокольчик, вызывая из «подпола своего домового». Каро явился немедленно.

— Принеси кувшин воды, непользованную кисточку для смазывания противней, два бокала, бутылку виски и бинты. И еще рубашку мою сверху принеси.

— Слушаю и повинуюсь, господин, будет исполнено, — с преувеличенным поклоном каро удалился.

Гай нервно хмыкнул про себя: — «Раб лампы недоделанный».

Его слуга перенимал все услышанное от Гая и его гостей, в том числе речевые обороты хозяина, знакомые в других мирах, но неизвестные в Алаутаре.

Разрезав рубашку на мальчишке заклинанием, и, увидев сплошной, исполосованный пятью длинными узкими порезами, багровый синяк по всей спине, он чертыхнулся вслух.

— Фирма веников не вяжет, фирма делает гробы, — пробурчал он, устраиваясь на стуле у дивана, поставив на второй склянку с чудодейственным средством.

— Вскоре вернулся каро, мельком окинул взглядом странного гостя, но, как и положено воспитанному слуге, ничего не спросил, поставил поднос с тем, что просил Гай, перед его носом и удалился.

Гай не рискнул промывать раны водой, обошелся заклинанием очищения, но едва дотронулся кисточкой с эмульсией до пореза, парень глухо застонал и пришел в себя.

— Не дергайся, я не целитель, одно неловкое движение и вместо облегчения помрешь, — предупредил он, почувствовав, что его пациент не спешит признаваться, что уже в сознании.

Тот застыл в прямом и переносном смысле. Гай без проблем закончил задуманное. Эмульсия застывала поверх раны через пару минут после нанесения. Вскоре ее ровный слой покрыл всю спину.

— Все, можешь дышать глубоко, я закончил, — предупредил Гай, — Сесть можешь? Мне нужно твои руки и лицо в порядок привести.

— Я иначе себе представлял Паутину Мирасо, — он приподнял голову, мутный взгляд скользнул по сторонам, — Где я? — уже более осмысленно спросил он, наткнувшись взглядом на сидящего рядом Гая.

— В моем доме, поверь мне, здесь удобнее, чем в застенках Круга Магов. Как тебя зовут?

— Эрмир. Что со мной будет? — его голос был глубоким, но казался безжизненным.

— Ну… Я придумаю, как намазать тебе на рожу лекарство так, чтобы ты не вытер его о мои диванные подушки так или иначе, но пока, давай сюда хотя бы руки, раз встать не можешь, — Гай пересел к изголовью дивана и, пока до его собеседника доходил смысл сказанного, быстро намазал и забинтовал его ледяные запястья.

— Я могу встать, — с удивлением обнаружил парень, едва прислушался к своим ощущениям.

— Отлично, садись, но не прислоняйся к спинке дивана.

Встал он странно, сначала сполз на пол на колени и лишь потом встал, развернулся всем корпусом и сел на диван, угрожающе завалившись вперед.

— Плохая была идея, — вздохнул Гай, поставив перед ним стул спинкой вперед, — Опирайся.

На левой стороне лица был разлит еще один багровый синяк, а на щеке протянулся тонкий глубокий порез. Скорее всего, без своевременного лечения от него остался бы шрам.

— Кто вы, почему вы возитесь со мной?

— Спроси что попроще, — фыркнул Гай, но все же представился и добавил, — Все вопросы в дарику Волрклару, я хочу посмотреть, как он будет выкручиваться и послушать, куда он способен тебя послать.

Закрыв склянку с лекарством, он подал ему рубашку.

— Одевайся, на спине уже корка, не сотрется ничего.

— Мне как будто не больно больше, — признался Эрмир, — только все плывет перед глазами. Как во сне. Может, я умер?

— А я твое посмертное наказание, — усмехнулся Гай, — буду лечить тебя и пытать и снова лечить вечность напролет.

Эрмир улыбнулся одними губами, Гай отметил, что его будущий ученик вовсе не легковерный и не трус.

— Воды, хоррора? — он плеснул в свой бокал алаутарский виски, — Или тебе пока нельзя алкоголь?

— Почему нельзя? — удивился Эрмир, — Мне нравится хоррор.

— Кто бы сомневался, — вздохнул хозяин дома, наливая во второй бокал янтарную жидкость.

Все ведьмаки любили крепкий алкоголь и мало пьянели. Среди них не было запойных пьяниц или дуреющих под действием 40—80 градусных напитков. Калатари или аркельды могли спиться, ведьмаку марбо на это потребовалась бы сотня лет ежедневных неумеренных возлияний, но пальори нет.

Рубашка Гая оказалась парню впору, выхлебав два бокала хоррора, он вновь улегся на диван.

— Спасибо. Я вам обязан жизнью и всем остальным…

— Гай бросил на него насмешливый взгляд, понял, что тот заснул на полуслове, и передумал возражать.

Волрклар вернулся через час, довольный и успокоенный. Гай к тому времени убрал на место стулья и лекарство, спалил грязную и, видимо, пропитанную какой-то целебной мазью со стороны спины, рубашку белым огнем, поставил на стол в столовой кувшин, бокалы и бутылку виски, сварил себе кофе на встроенном в кофейный столик мангале и кое-как привел мысли в порядок.

Его более не пугала перспектива обзавестись подопечным. Как-то подозрительно легко он смирился с нею. Он понимал, что Волрклару нужно время лишь для того, чтобы парень пришел в себя и поправился настолько, что его можно было бы показывать члену Верховного Совета дарику Ордъёраину без риска поставить под угрозу уклад жизни старинных чистокровных ведьмацких семейств, а, может, и жизнь многих из них, тех, кто станет защищать свое право жить так, как считает правильным.

Как бы Гай не относился к жестокости ведьмацкого воспитания, он знал, что сами по себе ведьмаки вроде Нирдэра не жестоки. Его дети вовсе не боялись его и тот же Эрмир не испытывал к нему ненависти. Женская часть его дома существовала автономно, все решения, касающиеся дочерей, принимали матери во всех ведьмацких семьях, а ведьмачки не считали физические наказания сколько-нибудь эффективными. За сыновей отвечали отцы и матери никогда не вмешивались. Он знал эти особенности и предпочитал не судить.

Ордъёраин вырос в Изначальном мире, в пальорской семье, искалеченной магией батъёри, будучи батъёри с кровью Алаутара. Он не смог бы смотреть объективно на такие вещи.

— Ну, познакомились? — усмехнулся Волрклар, кивнув на спящего на диване парня — Я думал, придется звать Данику, сочинять что-то для Эвара, но вижу, ты сам гениальный целитель.

По-соседству с Гаем жил еще один член Верховного Совета — дарик Эвар со своей женой Даникой, занимавшейся частной медицинской практикой.

— Карин с ее животворящей эмульсией — вот кто гениальный целитель.

— Она бы не додумалась напоить его после суток без еды. Теперь он проспит до вечера и восстановит силы быстрее, поскольку полностью расслаблен, несмотря на всю нетриваиальность его положения и туманность будущего, его магический потенциал сделает все сам.

Гай засмеялся.

— Я гениален в своей тупости.

— Ключевое слово гениален в твоем случае, — парировал Волрклар.

— И все же, что не так с моим будущим подаваном? Почему он выглядит как аркельд или ведьмак батъёри Изначального мира?

— Давай, я расскажу тебе старую историю, почти легенду, которую ныне помнят только в окрестностях Мильда, поскольку именно там, находится давно потухший вулкан Шуд.

— Интригующее начало, — кивнул Гай, — я весь во внимании.

— В те времена Стихии воплощались в смертные тела значительно реже. Я был весьма одинок, ни к соседям сходить, ни малолетних дураков из неприятностей вытащить, тоска-печаль.

Гай засмеялся, услышав собственную фразу.

— Наконец, к моей радости всплыл в окрестностях Мильда, а тогда города там не было, был поселок Майлдак у подножия вулкана, могущественный маг, аркельд, большинство предков которого были чистокровными ведьмаками. Аркельд Малек, способный подчинять своей воле любую горную породу. Воплощениям Мертвой Материи дарована власть над всей неживой материей, а тут были способности только к ее преобразованию — сила Воды, Воздуха и Мертвой Материи слились в магии этого аркельда весьма причудливо. Он мог испарить гору, мог сделать текучим металл, не нагревая его, мог остановить пылевую или песчаную бурю, заставив всю пыль и песок покорно лежать на земле, не взирая на ветер. Он мог зайти в пещеру, почувствовать на какой глубине находятся залежи руды, после чего заставить течь металл снизу вверх к себе по микротрещинам и пустотам горной породы. А еще он мог стать тьмой у порога жизни и смерти, то есть буквально убивать и возвращать к жизни только что умерших, однако этим умением он на моей памяти не пользовался никогда, оно его пугало. Даже то, что он на это способен, знал я, но он сам не был в этом настолько же уверен.

— Круто! — восхитился Гай.

— Мы познакомились, подружились. Малек тогда был молод, я уже очень давно жил на свете и все же был достаточно глуп, чтобы недооценить опасность сильных чувств могущественного мага для него самого и окружающих. Малек влюбился, женился и счастливо прожил около семисот лет. А потом его жена вошла в возраст последнего глотка жизни и не захотела, чтобы он видел ее угасание. Он в семьсот лет выглядел как ты сейчас, она же быстро бы стала похожа на ту, кому магический потенциал отмерил меньше 750 лет. Она приняла решение за себя и за него, просто пропала в один из дней. Малек пришел ко мне с вопросом «куда?». Я думал, что правда поможет ему быстрее смириться. Я жестоко ошибся. Солгав, я бы обеспечил ему несколько лет бесплодных поисков, этого могло хватить, чтобы боль притупилась или он успел к ней привыкнуть. Но нет, я решил, что, солгав, я предам его доверие.

— Она уже была мертва?

Волрклар кивнул.

— Он был воплощением Стихии Мертвого Ветра, уникального совершенно явления. Мертвый Ветер способен гасить вулканы, просто выстуживать их изнутри. На следующий же

день после нашего разговора Малек сиганул в жерло вулкана Шуд. Я думаю, просто чтобы выместить на нем собственное отчаяние и злость. Вулкан решил дорого продать собственную жизнь. В итоге погибли оба и весь Майлдак. А я вновь надолго остался единственным воплощением Стихии в Алаутаре, — вздохнув, закончил Волрклар.

— Хочешь сказать? — Гай обернулся, глядя на спящего мальчишку.

— Да, он воплощение Мертвого Ветра и выглядит почти также, как Малек сорок три тысячи лет назад.

— Как джин?

— Я думаю, все воплощения Стихий выглядят так, как угодно Стихии. Ты сам знаешь, как легко для Стихии изменить облик своего сосуда, чтобы стать похожим на себя. Некоторым Стихиям это неважно, другим более принципиально. Снежная и Песчаная буря воплощаются и в женских и в мужских телах, Мертвая Материя предпочитает мужские, Истинному воздуху подавай тела аркельдов. Мертвый Ветер это не Воздух, это совершенно конкретный ветер, единственный в своем роде. Не может быть два воплощения Мертвого Ветра, хотя, как мы все знаем, может быть сколько угодно воплощений Истинной Воды, Истинного Воздуха или Истинного Огня. Твой Огонь тоже уникальный, хоть и Истинный, он ментально-ориентированный, способный существовать не только в материальном мире, но гореть, выжигать и греть изнутри. Поэтому не может быть двух воплощений Гаитоэранта.

— А Эрмир помнит жизнь Малека, как думаешь?

Волрклар покачал головой.

— Нет, конечно. Эрмир — подросток, ведьмак, воплощение Стихии от рождения. Малек умер. То, что Мертвый Ветер решил вновь воплотиться в смертном теле, не делает Эрмира Малеком. Это другая судьба. Эрмир не джин и не хорро, он помнит себя исключительно как Эрмира и никогда не вспомнит прошлых воплощений Стихии. Он свободен от прошлого духа, определившего его магический потенциал.

— Но надо полагать, Эрмир имеет замашки Малека?

— Это да, — вздохнул Волрклар, — Малек был импульсивен, прямолинеен, неосторожен и, мало того, что был способен любить единственную женщину, еще и моногамен.

— Последнее обстоятельство самое опасное, но, думаю, поправимое, — усмехнулся Гай.

— Ты идеальный опекун для него, не сомневайся, — лукаво улыбнулся Волрклар.

— Мне его таскать по злачным местам и подкладывать в его кровать женщин? Серьезно?

— Учить, — строго поправил его Волрклар, но глаза смеялись, — учить легкости восприятия жизни и общения с прекрасным полом, искусству наслаждения отношениями без обязательств. В общем, научишь его отделять мух от котлет…

Гай засмеялся в голос. В дверь требовательно постучали.

— Так, вот это нехорошо, — бросив взгляд на спящего на диване подростка, вздохнул ведьмак, — впрочем, ладно, как есть.

— Могу не открывать…

В дверь вновь постучали, на этот раз явно кулаком.

— Это Мальшард, — усмехнулся Гай.

— Доброго дня, извини за неучтивость… — едва Мальшард вошел, увидел Волрклара, тут же поклонился.

От Гая не укрылся его быстрый взгляд вокруг и явное облегчение оттого, что он увидел незнакомого парня на диване.

— Так, ты откуда знаешь? — без обиняков спросил Гай, — Кофе будешь?

Мальшард снял перчатки и плащ, бесцеремонно бросил все на свободный диван и кивнул. Это был молодой ведьмак, маг Ледяного Дождя с потенциалом, рассчитанным на 800—850 лет, когда-то однокурсник Гая в школе Крамбль, ныне его партнер по бизнесу. Мальшард встречался с Карин, недавно они обзавелись совместным домом в десяти минутах ходьбы от

дома Гая, в котором у них у каждого была своя половина (оба были ведьмаками и полагали это естественным и самым желательным бытовым распорядком). Однако обзаводиться брачными обязательствами не спешили, по факту давно их имея друг перед другом. Их связывали глубокие и нежные чувства.

— Простите еще раз за вторжение, дарик Волрклар, Гай…

— Садись уже, — Гай подогрел остатки кофе в кофейнике на собственной ладони и налил ему в чистый бокал для виски, — Извини за неучтивость, я не хочу, чтобы тут мельтешил сейчас мой домовой.

— Ай, брось, все в порядке, — Мальшард с удовольствием грел руки о горячий бокал. Ведьмаки редко мерзли, но Мальшард был магом Ледяного Дождя и, как всем магам Воды, ему сложно было согреться быстро, — К Карин пришла сестра с подружкой, рассказали, что дарик Волрклар и Гай заточили семнадцатилетнего брата этой подружки в Паутину Мирасо. Карин не поверила, а мне стало очень любопытно. И я решил узнать, что это за история.

— Или Карин попросила выяснить, — усмехнулся Гай.

— Вот об этом я не подумал, — буркнул Волрклар, — дети совершенно непредсказуемы для меня и, посмотрев прямо на Мальшарда, спросил, — Где сейчас Иви?

— Полагаю, до сих пор у Карин в гостях. Они дождутся меня.

— Господа, я откланиваюсь, — Волрклар решительно встал, — Мальшард, я прошу сказать Геларе, что ее брат действительно в Паутине Мирасо, но Иви и Карин скажи, что Совет состоится самое позднее послезавтра, что ты видел виновника его созыва здоровым и спящим у Гая на диване, и больше ничего тебе выяснить не удалось, потому что я сбежал от вопросов, а Гай ничего не знает, просто я попросил его присмотреть за мелким пакостником пару дней. И предупреди, что для семьи Нирдэра есть другая версия.

И не дожидаясь вопросов или слов прощания, пропал. Мальшард удивленно посмотрел на Гая, тот только руками развел.

— Полагаю, ты знаешь куда больше, чем можешь мне сказать…

Гай кивнул.

— Извини, ты все сам слышал. Как там Иви, я давно ее не видел?

Тринадцать лет назад Гай нашел на окраине Сатбора полуторагодовалую ведьмачку пальори. Он прилетел в Сатбор на свой завод хоррора, закончив необходимые дела, решил прогуляться пешком до дома живущих в Сатборе знакомых и буквально споткнулся об оставленного в снегу достаточно легко одетого ребенка.

Для Алаутара брошенный на произвол судьбы маленький ребенок — явление абсолютно дикое и невозможное. У обладателей высокого сознания этого мира не рождалось нежеланных детей. Родители могли зачать ребенка только имея для этого однозначное желание и ощущая готовность к этому, о наличие которых невозможно было наврать себе или друг другу. Только проведя специальный ритуал перед сексуальными занятиями, можно было рассчитывать на зачатие ребенка. Без готовности и желания стать родителями этот ритуал не мог получиться. В Алаутаре секс сам по себе был лишь приятным времяпрепровождением без рисков нежелательных беременностей или болезней.

Все обладатели высокого сознания, независимо от расы, ответственно относились к детям. Потому новость о маленькой девочке в снегу зимой всколыхнула весь материк Давалика. Сначала многие решили, что ребенок был похищен, однако родителей так и не нашли. Впрочем, Верховный Совет, оповещенный о находке Гая в первые же часы, не старался искать похитителей или родителей. Волрклар сразу понял, что девочка явилась из другого мира. Иногда в Алаутар проникали ведьмаки и калатари из Изначального мира, тоже буквально «откуда ни возьмись», не помня о себе ничего. Если они были магами, то со временем память возвращалась и они осваивались на новом месте. Лишенные магии пришельцы из другого мира погибали, Алаутар принимал только магов.

У девочки была прорва магических сил, на тысячу лет или чуть больше и все бы было замечательно, если бы не одно «но». Волрклар был уверен, что она появилась не из привычного Изначального мира, а из Шактура — мира, по мнению Гая, побывавшего некогда там, крайне противного и злого. Только вот в Шактуре жили люди и ведьмаков, вроде как не могло быть. Учитывая это обстоятельство, девочку удочерили Кадъераин и Орвира — родители Карин и члена Верховного Совета дарика Агелара.

Для всех жителей Калантака и окрестностей все выглядело предельно логично. Ребенка ведьмачку с большим магическим потенциалом удочерила семья ведьмаков магов, близко знакомая с тем, кто нашел ребенка.

Девочку назвали Инвервира (в переводе с ведьмацкого — танец зимы), близкие называли ее просто Иви. Она росла обычным ребенком магом, однако имела достаточно редкую способность — превращаться по собственному желанию в белую лису. Такие способности были у некоторых чистокровных ведьмаков. Само по себе это не вызывало беспокойства. Кроме одного — откуда в Шактуре взялись чистокровные ведьмаки? Впрочем, этот вопрос остался риторическим, никому не хотелось и не виделось нужным идти в Шактур и выяснять это. Все, кто мог ходить по другим мирам, считали Шактур дрянным миром, недостойным посещений.

Иви росла в Алаутаре и считала именно его своим домом, училась в немагической школе члена Верховного Совета дари Йольрики вместе с сыном Волрклара и Айры — Коромэллом и, как выяснилось, дочерью Нирдэра Геларой и ее братьями. Эрмир закончил немагическую школу всего три месяца назад. Иви и Коромэлл знали его, но не общались близко. В их возрасте три-четыре года разницы часто казались пропастью.

Мальшард пил кофе и рассказывал о бытовых новостях. Незаметно разговор свернул на тему поставок хоррора в Лаукар и Мильд — два крупных города, поговорили о перспективах налаживания производства на материке Извир и возможности использовать для этого выращенный на охлажденной заклинаниями земле солод.

Внезапно Эрмир свалился с дивана и, громко застонав, проснулся.

— Так, вали домой, — распорядился Гай, кивнув Мальшарду, — прости за неучтивость и все такое, но…

— Да я понял, что Карин и ее близкие не должны знать насколько ему паршиво, я не скажу, — заверил его приятель, — Я знаю, что он чистокровный и знаю их порядки. Я, кстати, удивлен, что он отделался так легко. Я же чувствую эмоции, ярко выраженных страданий он точно не испытывает.

Эрмир сидел на полу, уткнувшись в диванную подушку лицом, то ли вновь заснув, то ли не в силах окончательно проснуться.

— Есть хочешь? — громко спросил Гай, подходя ближе.

— Не знаю… Мне плохо. Не знаю почему, ничего не болит, а жить не хочется.

Гай аккуратно помог ему встать.

— Хоррор на голодный желудок, выживешь, не переживай. Давай, поешь и вали наверх спать.

Он не сопротивлялся и не возражал.

— Простите за неучтивость, — взглянув на отсевшего к краю стола Мальшарда, произнес он, немного придя в себя. Порез на щеке более не казался воспаленным и начал затягиваться, синяк вокруг поблек, — Я — Эрмир.

— Мальшард, рад знакомству, — кивнул ему ведьмак.

Гай позвонил в колокольчик, приказав слуге подать сырную тарелку, фруктов, булок и быстро готовить обед.

Эрмир умял весь сыр, две булки с вишней и весь принесенный виноград за пять минут.

— Я могу не обедать, не хочу еще больше вас обременять, — допив вторую чашку кофе, заявил он.

Гай и Мальшард с трудом скрыли ухмылки.

— Ты наелся? Только честно?

Эрмир едва заметно покачал головой.

— Тогда заткнись и ешь. Наверху ванная, умоешься и ложись спать и чтобы до утра я тебя не слышал и не видел. Завтра вечером или послезавтра утром состоится Верховный Совет в твою честь, будет много дел. Ты должен к тому времени окончательно придти в себя.

Эрмир не собирался обижаться на неучтивость хозяина дома, его не смущали его манеры или слова.

— Спасибо вам еще раз. Я понимаю, что вас раздражает это, но не могу не сказать. Я ваш должник до конца жизни…

— В каком возрасте вас учат записываться в должники к тем, кто скуки ради вам помогает, никак этим не тяготясь? — спросил Гай одновременно и у Мальшарда и у Эрмира.

— С рождения, — улыбнулся Мальшард, — У ведьмаков не принято помогать скуки ради. Готовность вернуть ответную услугу в благодарность за помощь это не только этикет, это вопрос чести и платежеспособности. Кто захочет в дальнейшем иметь дело с ведьмаком, с репутацией беспринципного психопата или немощного и ни на что не годного? Ты аркельд, тебе не понять.

— Вы чистокровный? — удивился Эрмир, — Я не слышал о вас. Или вы живете не в Калантаке?

— Нет, моя мать обычная ведьмачка, но отец действительно чистокровный — Гридар из клана Шуари.

— С Фиробархора? — тут же предположил Эрмир, — Слышал, да. Его сын от временного договорного брака женат на моей троюродной кузине по линии отца.

— Я не знаю ни брата, ни сестру от временного брака отца. Мы никогда не встречались. Да и с родителями и кровным братом я редко вижусь, — вдруг признался Мальшард.

— Гридар уважаем на Фиробархоре, он делает потрясающее оружие, хоть и не маг.

Мальшард вновь кивнул. Слуга каро принес дымящееся жаркое из гарума, хлеб мале, салат из овощей и морепродуктов. На троих. Мальшард отказываться не стал, придвинулся ближе к столу.

— Простите, вам неприятно говорить об этом, я не буду, — Эрмир вновь накинулся на еду.

— Маг Воды? — удивился Мальшард, — Но не только Воды…

— Еще немного Воздуха и Мертвой Материи, — видя недоумение парня, встрял в разговор Гай.

— Необычно. А что у тебя с волосами?

— Покрасил, — горестно вздохнул Эрмир.

Гай хрюкнул, подавив смешок, быстро проговорил:

— Это потом как-нибудь. Расскажите лучше, много ли чистокровных ведьмацких семейств в Калантаке?

— Семь, но не все чистокровные ведьмаки Калантака имеют семьи или живут с чистокровными членами семьи. Если считать и таких, то двенадцать. Господа Кадъераин и дарик Волрклар, конечно же, тоже чистокровные пальори, но они вне ведьмацкой общины чистой крови, — с готовностью пояснил Эрмир.

— И ты всех знаешь? — тут же спросил Гай.

— Только по слухам. Отец общается лично только с Киардом и семьей его сестры, а она замужем за калатари.

— Киард — это который младший магистр Крамбль? Он чистокровный? Я не знал, — протянул Мальшард.

— Да, он не жаждет тесных связей с общиной, он сам по себе. Его считают изгоем.

— А твой отец? — Гай спросил мимоходом, не переставая жевать, Эрмир не заметил повышенного интереса. Просто любопытство, не более.

Любопытство Мальшарда же тут же утроилось.

— Отец держит выгодную ему дистанцию с общиной. Он не зависит от нее, но и не отдаляется. Моя мать не хочет видеть в доме чистокровных не из своей семьи, кроме Киарда и его сестры, — Эрмир вдруг повернулся, посмотрев на Мальшарда в упор, и добавил, — Мне кажется, вам повезло, что вы остались в стороне от родственников своего отца. Говорят, клан Шуари, даже по меркам чистокровного ведьмацкого мира, слишком ревностно относится к правилам и иерархии. Ваш отец один из немногих, кто вышел из-под влияния клана.

— Я тоже так думаю, — улыбнулся Мальшард, — Первые одиннадцать лет моей жизни были абсолютно безмятежными, никаких особых правил. Я даже не предполагал, что возможно иначе.

— А потом? — не удержался Гай.

— Потом мои родители поняли, что я сильный маг и все изменилось, между нами стала расти дистанция, — тень глубокой печали легла на его лицо.

— Разве быть магом плохо? — удивился Эрмир.

— Хорошо, конечно, но мои родители немаги, мое имя не как твое, в нем нет рунической основы. Мой отец не знал, как воспитывать мага, считал, что не может быть для меня авторитетом, ведь жизнь мага принципиально иная. Он оплатил мою учебу и жизнь в Калантаке, но ни он, ни моя мать не хотели видеть меня в своем доме после того, как я уехал учиться. Я могу это понять, но грустно все равно. Простите за неуместную откровенность.

— А что значит — «руническая основа имени»? — спросил Гай, желая вернуть приятелю хорошее настроение.

— Эрмир — это руна. Означает «новое начало или возвращение к началу», двоякий смысл, но это имя мага, — пояснил Мальшард.

В Алаутаре часто имена переводились дословно. В имена вкладывался некий индивидуальный смысл. Иногда простой, например, именем становилось название месяца, в котором ребенок родился или природное явление, случившееся в день его рождения. Киард — дословно с ведьмацкого переводилось как «затмение», а Мальшард было сплавом двух ведьмацких слов «мальш» — праздник и «ард» — день — буквально «праздничный день». Однако чаще смысл был сложнее и неоднозначнее и не всякий мог легко понять, в чем он заключается.

— Я бы хотел пожить без правил чистокровного мира, — вздохнул Эрмир.

— Желания имеют свойство сбываться, — едва слышно усмехнулся Гай.

Через полчаса Гай все же сумел прогнать своего будущего ученика наверх, каро убрал со стола, а Мальшард засобирался домой.

— Ты помнишь, что кому говорить, правда же? — спросил Гай, выходя на крыльцо вслед за гостем.

— Мне даже не придется врать, — усмехнулся тот, — По словам его сестры, ему сильно досталось. Запихать в описанном ею состоянии в Паутину Мирасо — это слишком жестоко. Там же все жизненные процессы останавливаются, тело преступника отключается от мира, ничто не заживет, а эффект времени никуда не деть. Когда бы его достали оттуда, все его травмы тут же бы состарились на день или два, никак не исцелившись. Лечить было бы сложнее и шрамов было бы не избежать. Впрочем, Гелара явно преувеличила.

— Ничуть, — вздохнул Гай, — Просто эмульсия Карин и хоррор творят чудеса, но об этом не стоит упоминать.

— Чего не знаешь, о том не солжешь. Я видел то, что видел. Мне достаточно будет сказать, сколько он сожрал и болтал, чтобы у Карин, ее семьи и обитателей дома Ордъёраина и Кайлин сложилось впечатление, что слухи о жестокости чистокровных к детям сильно преувеличены.

— Ты проницателен. Почему, я постоянно забываю это?

— Я маг Ледяного Дождя, я читаю не только эмоции, но и логические закономерности и вероятности событий. Магия Воздуха мне тоже присуща, хоть и в минимальной степени, по сравнению с магией Воды. К тому же, мне сорок лет, я давно не мальчишка студент, которым, видимо, останусь в твоих глазах на долгие годы, — засмеялся ведьмак, — И сейчас я тебе скажу как настоящий взрослый — иди в дом, мне холодно на тебя смотреть, Я даже пешком не хочу домой идти.

Гай засмеялся. Он стоял на крыльце в рубашке и жилете, но хоть и чувствовал холод, замерзать не спешил.

Мальшард хлопнул его по плечу на прощание и пропал, перенесся к себе домой одним желанием. Практически все сильные маги Воды владели этой способностью, различались только расстояния, на которые они могли перемещаться. Гай так не мог и очень о том жалел.

Ближе к полуночи в гости заглянули еще одни соседи — Вительдиальк с супругой Эланор — родители члена Верховного Совета Малики. Двадцать три года назад они переселились в Алаутар из Изначального мира и без проблем освоились на новом месте. Оба были калатари, седые, но полные сил и здоровья. Эланор преподавала в магической школе Намариэ, Вительдиальк был одним из шести Стражей Порядка Калантака и окрестных земель.

— Мы уже в курсе, что у тебя гостит виновник бед на руднике, — с порога заявил Вительдиальк, — Дарик Волрклар заглянул в кантон и сообщил Стражам Порядка, что этим делом дальше занимается Верховный Совет.

Гай предложил гостям чай, но Эланор замахала на него руками.

— Мы с катка сейчас, перекусили в открытой таверне поблизости, там продают чудесный пунш и отличные горячие пирожные.

— В такой холод кататься на коньках? — ахнул Гай.

— Ты давно там не был. Там установили защитные экраны не только вокруг, но и сверху. Там совершенно калатарийский далик («далик» — конец зимы на языке калатари), — просветил его Вительдиальк, устраиваясь на диване в гостиной.

— Он наверху? — уточнила Эланор.

— Да, дрыхнет. Зло безвредно, пока спит, — хмыкнул Гай.

— В твоей спальне. А ты где собираешься спать? У тебя только одна же…

— У меня два дивана в гостиной и еще один в кабинете, на полу на коврике точно не придется…

— Приходи к нам на ночь, — прервала его Эланор, — у нас есть гостевая комната и она с ванной.

— Накинь на него магическую сеть, и пусть спит до утра, — поддержал супругу Вительдиальк, — из твоей сети он никуда не денется, тем более, в твоем доме защитные заклинания делали маги Верховного Совета. Тут он бессилен, а руками твою магическую сеть не разорвать.

Гай ненадолго задумался.

— Мне совершенно необходима гостевая спальня, — наконец, выдал он.

— Тебе давно это говорят, — кивнула Эланор, — Так ты идешь к нам?

— Нет, друзья, благодарю. Я очень поздно ложусь спать и у меня были планы изучить гроссбух по продажам хоррора в Лаукаре. Спасибо огромное за приглашение. Я, бывает, и без гостей в доме сплю в кабинете, это не проблема для меня. Но вторая спальня мне действительно нужна, я это осознал. Надо встретиться с Арикардой как можно скорее и заказать ей этот проект.

— Можешь переделать под спальню с ванной конюшню, все равно ты так и не завел лошадей, — предложил Вительдиальк.

— Я завтра увижусь с Маликой и скажу о твоем желании встретиться с Арикардой.

Арикарда и ее муж Дарк жили в Лаукаре — втором по величине городе Алаутара, расположившемся практически на экваторе, на материке Извир. И только на лето возвращались в Калантак, в дом родителей Арикарды. Естественно, они часто навещали друзей и родителей в течение всего года, но для этого кто-то должен был их перенести с Извира. Дарк, будучи воплощением Шторма, мог быстро добраться с другого континента, став ветром, нырнуть в море и после вынырнуть в любой нужной ему части мира, а вот его жена не могла.

Порталы хазалита, установленные в каждом населенном пункте крупнее пяти тысяч жителей, с помощью которых алаутарцы могли путешествовать, не считались удобным способом. Через порталы хазалита можно было пройти, лишь убрав все заклинания с вещей и с себя. Дарк и Арикарда привыкли уменьшать необходимые им вещи до крошечных и носить в карманах, они, порой, забывали наложены ли заклинания на те или иные предметы или нет. Тем более, в Лаукаре все носили только охлажденную еще на стадии изготовления одежду и обувь, а подобную «контрабанду» хазалит пропускать отказывался по умолчанию. Лишь воплощение Мертвой Материи Кадан мог пройти сквозь плиту хазалита с чем угодно магическим. На то он и живое воплощение Мертвой Материи, хазалит был ему покорен.

Арикарда, помимо того, что была воплощением Огненного Смерча и дочерью двух магов Верховного Совета, являлась ныне всемирно известным архитектором и дизайнером. В Алаутаре любой, владеющий трансформационной магией в достаточной мере, мог легко и быстро построить или переделать дом. Однако идеи интерьеров Арикарды многих приводили в восторг, Гай не был исключением.

— Договорились, — кивнул он.

— Тогда мы пойдем домой, для нас уже очень поздно, — улыбнулся Вительдиальк, глядя на часы.

Стрелки подползали к 12.

— Рад был увидеть вас, — искренне признался Гай, обнимая друзей на прощание.

— Эланор и Вительдиальк тоже не захотели идти до дома пешком, хоть жили еще ближе, чем Мальшард, перенеслись одним желанием, как только спустились с крыльца дома Гая.

На улице, казалось, похолодало еще сильнее, закрыв за друзьями дверь, Гай передернул плечами, решив тоже пойти спать.

Конечно, он не собирался работать, ему нужно было проверить гроссбухи, но это не значило, что он стал бы это делать сегодня. Он просто не мог связать спящего больного мальчишку, пусть даже неощутимой для того магией.

Перед тем как пойти в ванную, он заглянул в собственную спальню, чтобы взять из гардероба свежую одежду и одеяло.

Эрмир распластался посредине его неразобранной кровати на спине, пахло кровью. Гай тотчас зажег светильник, заметив на покрывале кровавые разводы. Судя по всему, парень не спал, а снова был без сознания.

— Да чтоб тебя, паразит! — выругался он, вновь отправившись вниз за мазью.

Чтобы отчистить постель и мальчишку от крови хватило пары заклинаний, куда дольше он возился переворачивая его, также заклинанием, чтобы не задевать жутких синяков и кровоподтеков.

Эрмир пришел в себя только, когда он закончил с его спиной.

— Тебя точно надо в магическую сеть завернуть, чтобы не катался и не бередил раны, — буркнул Гай.

— Я смыл лекарство в душе, — вздохнул парень, — я еще когда лег, почувствовал, что мне лучше отключиться, иначе слишком больно.

— А сказать языка нет? Тормоз! — Гай мазнул ему пальцем с эмульсией по порезу на щеке.

— Почему вы возитесь со мной? — вновь спросил он.

— Я не стану лезть в интригу главы Верховного Совета, все вопросы туда, — усмехнулся Гай.

— Но не потому что не можете или боитесь, — скорее констатировал, чем спросил Эрмир.

Гай достал пижамно-домашние штаны и свободную рубашку из мягкой ткани и, бросив ему, ответил:

— Я не вижу смысла и не имею желания мешать дарику Волрклару причинять добро. Переодевайся и постарайся не крутиться во сне. У меня лекарства осталось максимум на пару раз. Не лезь под душ. Умеешь пользоваться очистительными заклинаниями?

— Да, только одежда рвется быстро от них и волосы щеткой становятся, — Эрмир красноречиво показал на дыру на штанине своих замшевых брюк.

— Не страшно. Тебе повезло, у меня много барахла, а волосы пока не трогай. Не треснешь от грязи пару дней.

Он добавил в защитные заклинания дома разрешение пользоваться магией для «мелкого пакостника».

— У вас замечательная ванна и душ водопад, я только слышал о таких, — вздохнул Эрмир, переодеваясь.

— Все равно не мочи спину. Вот ничто не аргумент и не повод, зажить должно. Успеешь еще и джакузи и водопад оценить.

Эрмир быстро посмотрел на него и Гай понял, что сказал лишнее.

— Ладно, тайны для тебя, собственно, в этом нет. Ты не вернешься в родительский дом. Ты слишком прыткий, бестолковый и могущественный. Тебя надо учить жить с твоим потенциалом, не причиняя вреда окружающим.

— Я останусь у вас?

— Хорошо, что ты умный при всех прочих твоих неоднозначных качествах, — вздохнул Гай и кивнул, — да ты будешь жить в этом доме. Спальня и ванная у тебя будут свои, не эти, к этой спальне, я, знаешь ли, привык. Остальное узнаешь на Совете.

Эрмир надолго замолчал. Гай успел найти тонкое теплое одеяло и выбрать чистую одежду для себя.

— Я не заслуживаю такой удачи, — вдруг выдал парень, задумчиво уставившись в темный провал окна.

— Жизнь — несправедливая штука. Удачу, друзей и любовь невозможно заслужить, можно лишь быть благодарным жизни за подобные подарки.

— Подарок — калатарийское слово, — усмехнулся Эрмир.

— Это не значит, что ты не понимаешь его смысл, так ведь? — и тут же добавил, — Ладно, разбирай постель и ложись. Я все тут вычистил, ночь на дворе, не жри мне мозги.

— Спасибо.

Уже закрывая за собой дверь, Гай обернулся, предупредив:

— Не буди меня, когда проснешься. Никуда не выходи из дома, остальное на твое усмотрение. Но если что-то опять сотрется, не тормози, говори сразу, в этом случае разбудить меня можно. Только в этом случае и больше ни в каком!

— Клянусь, я не обману ваше доверие.

— Мать моя женщина, во что я ввязываюсь, — буркнул про себя Гай, скрывшись в ванной комнате.

* * *

Волрклар появился на следующий день в полдень. Гай как раз успел встать, привести себя в порядок и приказать подать завтрак. Эрмир встал намного раньше, но из спальни не выходил, просидел все утро у окна с видом на «Круг Магов» — здание, где заседал Верховный Совет

Алаутара, с найденной на прикроватной тумбочке книгой известной в Калантаке писательницы Юны.

Она была хорро и вернулась в Алаутар, подлинный мир ее расы, только двадцать лет назад. Ее сказки о других мирах пользовались бешеным успехом, хотя в их основе чаще всего лежал один единственный сюжет — двое влюбленных, по разным причинам вынуждены преодолевать кучу препятствий с обязательной свадьбой в конце. Впрочем, в Алаутаре подобный жанр был в диковинку. Здесь редко кто встречал препятствия на пути воссоединения с объектом любви, а если таковые были, их мало кто стал бы преодолевать. Алаутарцы читали это как «сказки о других мирах».

Гай знал, что Юна обладала способностью вкладывать в написанное нужный ей побудительный заряд для будущих читателей. Она хотела, чтобы ее книги воспринимались именно так — сказка для развлечения, о странных смертных странных миров, вынужденных принимать странные решения. Нет смысла думать над книгой или пытаться примеривать на себя.

Когда Волрклар появился в гостиной (настроение не было вежливым или на улице было слишком холодно, уточнять не стал), Эрмир и Гай сидели за столом.

— Итак, господа, — начал он после первых приветствий.

Слуга каро без дополнительного распоряжения поставил перед ним столовый прибор. Волрклар возражать не стал, тут же положив себе на тарелку плюшку с творогом и ягодным джемом и пару кусочков острого шокрского сыра. Эрмир, наоборот, явно занервничал, потеряв аппетит.

— Думаю, тянуть смысла нет. Без четверти восемь жду вас у входа в Круг Магов, сами вы внутрь не сможете пройти.

— Все решится сегодня? — осторожно спросил мальчишка ведьмак.

Волрклар кивнул, отправив в рот кусок сыра и, спохватившись, достал из кармана своей серебристой мантии и увеличил точно такие же кандалы, что уничтожил Гай.

— Чусдек. Научишь его их открывать, но надеть обязательно, мне нужна правильная картинка.

— Я не знаю, как их открывать, — Гай взял в руки странное приспособление, защелкнув браслет на собственном запястье.

Эрмир протянул руку, надавил на выступ, что-то прошептал и браслет открылся. Волрклар засмеялся.

— Ну, или он тебя научит.

— Стандартное заклинание, такое легко открыть.

— Двенадцатый уровень магии, чтоб ты понимал, — смеясь, продолжал Волрклар, наливая себе кофе, — Эти конкретные чусдек магию не гасят, они для красоты.

— Ладно, с этим понятно, — кивнул Гай, отложив «красоту» и вернувшись к своей яичнице с беконом, — Совет будет в полном составе?

— Кроме Кадана. Он занят восстановлением рудника, но он знает всю полноту картины и согласен со мной в том решении, которое я принял, — он обернулся к мальчишке и добавил, — Кадан не видит в содеянном тобой преступления, но рудник принадлежит его брату, а не ему. Потому, он не будет присутствовать, а вот его брат будет.

Эрмир кивнул, помрачнев еще больше.

— Еще на Совете кроме него и вас двоих, будет Нирдэр. Я прошу вас заранее быть готовыми к тому, что эмоций будет много. Не все, сказанное там мной, нужно принимать буквально и на веру. Все что я скажу сегодня на Совете имеет одну цель — убедить смириться всех с тем, что все так, как есть и принять исключительно цесмариловую компенсацию, не возвращаясь к этому вопросу, в идеале, забыв это происшествие навсегда.

— Почему? — Эрмир выглядел совершенно ошарашенным, — Почему вместо того, чтобы лишить меня магии или подвергнуть Аполидарэ, вы спасаете меня?

— Ты не набедокурил на лишение магии и Аполидарэ, ты молодой дурак, а не злоумышленник, — хмыкнул Волрклар и добавил, — к тому же, лишить тебя магии можно только убив, а жизнь воплощений Стихий слишком ценна для Алаутара.

— Воплощение Стихии? — Эрмир побледнел как полотно.

— Мертвый Ветер, да. Вода, Воздух и Мертвая Материя в неразрывном соединении. Советую переварить эту информацию как можно быстрее, в идеале, до восьми вечера сегодняшнего дня.

Эрмир несколько раз открыл и закрыл рот, так ничего и не сказав. Гай смеялся, Волрклар спокойно допивал кофе.

В итоге глава Верховного Совета удалился, а Эрмир еще долго приходил в себя от услышанного.

Гай перетряхнул весь свой гардероб, выбирая то, с чем он готов расстаться, пожертвовав будущему ученику. В итоге решил, что тому надо самому выбирать и покупать себе одежду и выделил лишь домашний комплект, горку нижнего белья и то в чем прилично было идти на Совет в Круг Магов — темно-серые замшевые брюки, черную тонкую батистовую рубашку, короткие теплые черные сапоги, темно-серый форит с пуговицами из матово-серебристого полудрагоценного металла Суа и светло-серый меховой плащ-накидку с глубоким капюшоном и пуговицами из матово-белого дорогого металла — вольтара.

Примерив все, Эрмир заявил, что это «абсолютно ведьмацкий стиль». Гай не стал признаваться, что именно поэтому он легко расстался с этими вещами, ведь сам он предпочитал калатарийский.

Когда короткий тусклый день сменился за окном густой темнотой, в гостиной появились Арикарда и Дамард, застав там лишь мальчишку ведьмака, тщетно пытавшегося отвлечься чтением от рвущих его на части мыслей и вопросов, от которых Гай сбежал в свой кабинет, якобы «работать». Однако гости хозяина быстро разыскали.

— Знаем, все знаем, — сразу предупредил Дамард, едва Гай их поприветствовал и представил своего протеже, — Волрклар сейчас у нас дома. Странно, конечно, что он не зашел вчера… — Дамард вдруг посмотрел на Эрмира, — хотя нет, не странно.

— А мне странно! — дернула его за рукав сестра, — Объясни!

— Волрклар бережет нервы и максимально дозированно обрушивает на нас информацию, — усмехнулся он.

Дамард и Арикарда также не постарели и на миг за двадцать лет — молодые, красивые, могущественные маги. Их знали в лицо, как и их родителей, все алаутарцы. В последние годы ушлые торговцы марбо придумали продавать картинки с портретами известных персон. Дети были в восторге, в коллекциях у многих из них миниатюрные портреты воплощений Тумана и Огненного Смерча были на первых страницах альбомов. У сестры Эрмира был подобный альбом, теперь он видел этих персон в реальности, и никак не мог в это поверить.

— Итак, ванная и спальня для тебя? — спросила Арикарда парня.

Тот не сразу понял вопрос.

— Да, для него, — ответил вместо него Гай, — идем, посмотришь, с чем тебе придется иметь дело, — он утащил ее через заднюю дверь в пристрой неиспользуемой конюшни.

Дамард тем временем уселся в кресло.

— Простите мне мою тормознутость, — с трудом выговорил Эрмир.

— Словами учителя говорит ученик, — засмеялся Дамард, перефразировав постулат школы Сайнз — «В словах ученика слышны ошибки учителя». — Я рад знакомству. Ты быстро привыкнешь к нам всем, не переживай. Ты ведь уже знаешь, что Гай станет твоим опекуном?

Эрмир кивнул.

— Я сейчас скажу одну вещь, которую не скажет вслух тебе никто, но ты должен это знать. Этого не нужно бояться, это просто факт, который надо иметь в виду, как то, что снег белый,

а после самой суровой зимы приходит весна. Тебе сказочно повезло, у тебя будет прекрасный наставник и он добрее, чем можно подумать. Тем не менее, Гай — единственный в Алаутаре, кто может уничтожить город или даже континент со всеми его жителями, и ему это простят. Только ему, больше никому. Простят что угодно, выполнят любое его самодурное пожелание. Он в этом уникален. Сам он себе этого не простит никогда и не пойдет на подобное, хоть и знает все это.

Эрмир сглотнул.

— Потому что он избран Великим Морем?

— В точку, — кивнул Дамард, — Волрклар совершенно прав на твой счет, ты действительно умен.

— Он сегодня сказал, что я молодой дурак.

— Одно другому не мешает. Все мы в твоем возрасте были молодыми дураками, разница лишь в том, что у нас были наставники с рождения, а у тебя появится только сегодня.

— А вы действительно можете бывать в других мирах хоть каждый день? — спустя какое-то время спросил он, глядя на книжку Юны «Смерть последнего диктатора на Земле».

Дамард не успел ответить, вернулись Гай и Арикарда. Та уселась рядом с Эрмиром, увеличив большие альбомы с эскизами.

— Выбирай.

— Я? — ахнул тот, — Что угодно?

— Что нравится.

— Я недостоин…

Арикарда и Гай одновременно и совершенно одинаково закатили глаза. Дамард потянул Гая за руку, увлекая за собой в его кабинет.

— Мне надо с тобой обсудить гениальную идею, — ухмыльнулся он, когда они зашли в кабинет, вытащил из кармана, положил на пол и увеличил мешок ашинов метр на метр.

— Это кому? — удивился Гай.

— Модирмаху. Ты предложишь сам выкупить его претензии как опекун молодого дурака, причинившего ущерб. То есть не Совет назначит сумму, а Модирмах, с учетом того, что расплачиваться будет конкретное лицо.

— Чья идея? Твоего отца?

Дамард улыбнулся и кивнул.

— Он считает, Модирмах в этом случае быстрее угомонится. С Верховного Совета тянуть компенсацию можно бесконечно, это будет скверно выглядеть, зависимость Верховных Магов от владельца рудника. Кадана тоже следует избавить от вечной повинности «возмещать ущерб» брату за «несправедливость Верховного Совета».

— Сколько тут? — Гай развязал мешок, запустив руку в крупные тонкие желтые монеты.

— Пятьсот тысяч. Попросит больше — это станет задатком, остальное родители наворожат позже, меньше — оставишь остатки себе в счет расходов на своего ученика.

— И откуда у меня такая роскошь? Я виски продаю в Алаутаре, а не оружие во Внутреннем Поле. Мне надо много лет не покупать пирожные, чтобы столько накопить.

Дамард вновь засмеялся.

— Откуда ему это знать? Отец уверен, что аппетиты Модирмаха будут скромнее этой суммы. Нирдэр в любом случае не потянет…

— Я совершенно не возражаю, — усмехнулся Гай, — Я думаю, Ордъёраин в таких вопросах мудрее всех, кто родился и вырос в Алаутаре.

— Да, он так и сказал, этот случай надо рассматривать, как если бы Модирмаху задолжал батъёри Изначального мира.

— Кстати, ты заметил, что мой юный подаван не похож на пальори?

— Волрклар сказал, что он внешне больше батъёри, чтобы отец и Агелар на Совете не стали акцентировать на этом внимание, они бы сразу заметили. Мертвый Ветер выглядит как батъёри — вот что реально странно. Волрклар считает, дело в том, что Мертвому Ветру пришелся по нраву облик аркельда, в теле которого он воплощался много лет назад, а теперь он в теле ведьмака, так что в итоге получите ведьмака с внешностью батъёри, раз уж иначе никак.

— Господа, пора собираться на Совет, — в дверь просунулась голова Арикарды, — Мы выбрали интерьер будущих владений твоего ученика. Я сейчас пойду договариваться о материалах, придется делать капитальный пристрой. Вернусь, и через пару часов все будет готово. Возможно, успею до вашего возвращения с Совета.

Гай посмотрел на часы — четверть восьмого. Дамард поспешил распрощаться.

Одеться и дойти до здания напротив не заняло много времени. Зато отняло много нервов у парня, которого начало буквально колотить, стоило Гаю застегнуть на нем чусдек поверх бинтов с целебной мазью.

— Ты ведь помнишь, что это бутафория? — спросил его Гай, накидывая поверх своего темно-бордового форита калатарийский утепленный плащ с прорезями вместо рукавов, — Расстегни сам, убедись.

Эрмир помотал головой.

— Я помню, я не знаю, что со мной.

— Вьетнамский флэшбэк, не страшно, но неприятно.

— Что это? — удивился тот.

— Это такой акцент на прошлых ощущениях или воспоминаниях, выскакивающий в неподходящий момент. Просто мимолетная ассоциация с чем-то, и уже не можешь сконцентрироваться на важном и дергаешься из-за этого, — тут же нашелся Гай.

Эрмир глубоко вздохнул, стараясь дышать, как можно медленнее.

— И как выгнать этот флэшбэк из головы?

— Сам уйдет, когда перестанешь бояться плохих воспоминаний. Прошлое прошло, его не изменить, но это закрытая страница. Думать можно о чем угодно, мысли — это всего лишь мысли, страх — всего лишь страх. Все боятся и не всегда страхи рациональны, — Гай подтолкнул его за порог.

Колючий морозный воздух обжег лицо. Стоило им дойти до дверей Круга Магов, их нагнали Волрклар и Айра — миниатюрная стройная брюнетка с ярко-рыжими глазами в короткой меховой куртке и замшевых облегающих брюках, заправленных в высокие сапоги. Эрмир слегка поклонился, машинально спрятав цепочку от чусдек в широкий рукав, слишком отточенным ловким движением, чтобы не догадаться, что делает это далеко не впервые.

— Подождите меня! — крикнул кто-то из темноты с другой стороны улицы.

К ним подошел еще один член Верховного Совета — Эвар. Это был высокий черноволосый аркельд. Посыпались приветствия и шутки. Эрмир невольно улыбнулся. Его сестра Гелара была влюблена в Эвара, картинка с его портретом украшала обложку ее коллекционного альбома. Правда на той картинке у Эвара за спиной были белые крылья. В обычной жизни крылья у хорро не появлялись, только когда они хотели взлететь и, чаще всего, они были прозрачными, и хоть видимыми глазу, но нематериальными. Только у верховных хорро — Айры и Эвара крылья могли стать осязаемыми. У Айры — черными, у Эвара — белыми (еще у Азала, Микхеля и Юны, но об этом мало кто знал).

В здание вошли все вместе. Гай ухватил своего подопечного за локоть, чтобы тот не навернулся, поскольку совсем растерялся и под ноги не смотрел. Эрмир вертел головой на 360 градусов, вокруг было слишком много чудес.

В холле с потолка свешивалась ведьмацкая люстра со ста пятьюдесятью углублениями, в которых сам по себе пылал Истинный Огонь, на стенах висели зеркала, в которых мелькали разные уголки мира Алаутар, по перилам широкой белоснежной лестницы на второй этаж зме-

ился живой плющ, источником жизни которого были узкие желоба с текущей снизу вверх и обратно водой.

— В нижний зал, — остановил направившегося к лестнице Эвара Волрклар, — у нас много посторонних будет.

Пройдя еще шесть метров они вошли в распахнутые настежь двери в практически пустой красно-коричневый зал, стены которого украшали целые картины светильников. В цветные изображения были помещены световые сферы, которые могли перемещаться по воле включившего свет в любую часть картины, гореть ярче или едва-едва. Пол и потолок тут были облицованы красно-коричневым минералом триксаром, напоминавшим застывший в камне огонь.

На небольшом возвышении стояли полукругом двенадцать удобных кресел. Волрклар повел рукой и откуда-то сбоку выплыли четыре стула, встав на равноудаленном расстоянии друг от друга напротив ряда кресел.

Эвар уселся в третье кресло с правой стороны, Айра в третье с левой, Волрклар рядом с ней, ближе к центру.

— Эрмир с краю, Гай, ты ближе всего к нему, Модирмах и Нирдэр займут оставшиеся два, — распорядился Волрклар, — раздеваться не советую, тут прохладно.

Эрмир плюхнулся на крайний справа стул.

— Кстати, Эрмир, мы тебя достали из Паутины Мирасо сегодня в полдень, ты ничего не помнишь с момента, как отключился в доме отца, — напомнил Эвар.

— Упал, очнулся тут, — пояснил Гай.

— Сейчас восемь вечера, я ударился, видимо сильно головой, когда упал…

Гай и Эвар засмеялись.

— Никому таких подробностей не надо, — заверила его Айра, — это на будущее. Сегодня просто молчи, пока к тебе не обратится кто-то из Верховного Совета.

Гулкое эхо донесло голоса, и в зал вошла солидная дама калатари в длинной темно-зеленой мантии и богато расшитом золотом светло-зеленом плаще, под руку с высоким аркельдом с комплекцией ведьмака пальори, с прихваченными сединой волосами на висках, в белой мантии и белом же плаще магистра школы Ассагар. На скуле его ветвился едва заметный белый шрам в форме молнии.

— Дари Тасима, дарик Наримар…

Эрмир подпрыгнул, чтобы поклониться, но его заметили не сразу. Эвар и Айра явно давно не видели вошедших членов Верховного Совета и те также рады были их видеть. Потом дошла очередь до Гая и лишь потом дари Тасима обратила внимание на мальчишку ведьмака, тепло улыбнулась ему, от чего тот сразу успокоился, и вдруг накинулась на Волрклара:

— Неужели это так необходимо? Нас дюжина сильнейших магов тут! Зачем чусдек?

— Для красоты, — машинально ответил Эрмир и страшно побледнел, осознав, что сказал это вслух.

Волрклар улыбнулся и развел руками, Эвар и Наримар засмеялись в голос. Дари Тасима сочувственно посмотрела на парня, не знавшего куда себя деть.

— Не переживай так, — и вновь развернулась к Волрклару, намереваясь что-то еще сказать, но Наримар тронул ее за руку.

— Они не гасят его магию, я чувствую воздушную часть его потенциала.

Тасима глубоко вздохнула и уселась рядом с Волрклaром.

— Я бы не поняла.

Наримар сел рядом с ней, но тут же встал навстречу вошедшему в зал аркельду с длинной фиолетовой косой, одетому в темно-синее, почти черное длинное пальто с широким черным поясом. На правой щеке у него был рисунок Духа Перемен шардских земель.

— Дирксел-Ди, приветствую…

Дарик Дирксел-Ди после всех приветствий лишь коротко кивнул Эрмиру и уселся рядом с Айрой.

— Господа, дальше прошу воздержаться от лишних разговоров. Наши коллеги прибыли в компании Нирдэра и Модирмаха, — предупредил Волрклар.

В зале воцарилась тишина и спустя три минуты вошли остальные члены Верховного Совета, а за ними отец Эрмира и владелец макалитового рудника.

— Дари Йольрика, дари Кайлин, дари Малика, дарик Агелар и дарик Ордъёраин…

Малика и Агелар сели с краю, почти напротив Эрмира, которому Гай шепнул, чтобы тот не вскакивал и молчал. Дари Йольрика села рядом с Эваром ближе к центру, Кайлин и Ордъёраин рядом с ней. Одно кресло с левой стороны осталось пустым. Кадан не присутствовал.

От дари Кайлин веяло холодом. Молодая, ослепительно красивая королева зимы — так охарактеризовал ее про себя Эрмир. Она была калатари, как и дари Малика. Та тоже была молода и красива, но казалась строгой и застывшей, как безупречная статуя. Дари Йольрика была аркельдом, воплощением Живой Материи, и казалась доброй женщиной в солидном возрасте, одета была довольно просто по сравнению с другими членами Верховного Совета. Дари Йольрику Эрмир хорошо знал как директора своей бывшей школы и уважал. Она, также как дари Тасима, недобро покосилась на Волрклара, заметив чусдек на своем бывшем ученике.

Ордъёраин, увидев Эрмира, напротив, как будто успокоился, Агелар подмигнул ему исподтишка, Малика кивнула с едва заметной улыбкой. Кайлин нахмурилась, взгляд заледенел, сместившись с Эрмира на его отца. Нирдэр и Модирмах не могли видеть Эрмира, не встав.

— Итак. Мы собрались сегодня, чтобы обсудить деяние молодого ведьмака пальори Эрмира из дома Нирдэра, хранителя сокровищ рудника Халушкара, — начал Волрклар. Тон его вдруг стал суровым, как и весь облик, — Пострадало двадцать семь магов, шестеро из них до сих пор находятся в госпитале, десять с переломами и травмами лечатся дома, остальные на данный момент уже исцелились. Восстановление самых тяжело пострадавших займет около шести недель. Также владельцу разработки макалита нанесен имущественный ущерб, жила макалита в 192 кармана чистого металла испарилась в прямом смысле слова. Причиной тому явился ведьмак Эрмир. Я провел дознание ранее и могу утверждать с уверенностью, что злого умысла данный подросток не имел. Ему семнадцать лет. Он не в полной мере осознает свои силы, не способен в силу возраста управлять мерой необходимости применения магии, его потенциал нестабилен. Он является воплощением Мертвого Ветра и до случившегося несчастья никто из нас и он сам не подозревал об этом.

Эрмир смотрел на свои руки, его вновь начало колотить крупной дрожью.

«Успокойся» — дотянулся до сознания спокойный властный голос. Он поднял глаза, встретившись взглядом с дари Кайлин. «Все хорошо» — она будто сказала это ему в ухо, хотя сидела на расстоянии четырех метров и не размыкала губ. Эрмир в ответ лишь кивнул, чувствуя, как расслабляется тугой узел в груди.

Волрклар продолжал говорить об особенностях подростковых типичных магических промахов и неизбежности ошибок при отсутствии сильного мага поблизости, который мог бы защитить самого подростка и других, о том, что в школе Отанак его могли бы научить работать с природным потенциалом. Эрмир слушал вполуха, пока речь Волрклара не прервал хриплый голос отца.

— Он принадлежит моему клану, я могу отправить его учиться в Отанак хоть завтра, у меня есть для этого средства.

— А вне школы как ты сдержишь магию воплощения Стихии? — спросил Наримар, — В Отанак нет пансиона, там учатся те, кому исполнилось двадцать в основном. Чтобы туда взяли семнадцатилетнего парня, родители или опекуны должны платить за его проживание в доме какого-либо магистра школы, который в итоге и становится его наставником.

— Есть иные действенные средства и способы, — буркнул Нирдэр, — Я могу сдержать его магию. До этого случая мне как-то это удавалось, а с ним всегда было нелегко, поверьте.

— Держать его в чусдек не значит научить владеть своим потенциалом, — грозно оборвала его дари Тасима, — Я верховный магистр школы Намариэ, как вы все знаете, задача наставника в том, чтобы отдать ключи от всех способностей ученика ему самому, а не ограничивать и пытаться преуменьшить силу, данную ему этим миром от рождения.

— Он чистокровный Риг и принадлежит моему клану! — почти что рявкнул Нирдэр, — В его крови сила многих поколений моего клана, его сила — это сила клана!

— Он — воплощение Мертвого Ветра, — тихо и очень зло прошелестел Ордъёраин, его ярко-синие глаза сузились, став глазами хищника, — В его крови магия духа Стихии и она принадлежит только Стихии, выбравшей своим сосудом именно его тело, больше никому. Он останется молодым, когда ты отметишь свое шестисотлетие и ощутишь дыхание смерти возраста «последнего глотка жизни», он переживет пра-пра, много раз правнуков твоих других детей. Что ты хочешь запереть в чусдек? Силу, способную испарить макалит или выстудить изнутри вулкан? Ты действительно веришь, что тебе это удастся через год или даже через пару недель? Тебе удавалось это только потому, что он юн и верит старшим, но это неизбежно пройдет.

Эрмир заметил, как с пальцев Ордъёраина скатились капли огня, которые тут же пропали.

— Я способен изготовить чусдек для укрощения любой силы, я владею древними секретами ремесла чистокровных ведьмаков, — уже более миролюбиво, но по-прежнему непреклонно возразил Нирдэр.

— У тебя с собой подобные чусдек? — вдруг спросил Агелар, вставая, — Давай, я прямо сейчас докажу тебе, что ты беспомощен перед силой Стихии, и мы закроем эту тему.

Нирдэр также встал, вынул из кармана и увеличил еще одни кандалы и сделал неуверенный шаг к Агелару. Тот протянул ему руки и браслеты захлопнулись на запястьях. Нирдэр бросил быстрый взгляд на сына, судорожно вздохнувшего, как только встретился с родителем взглядом, потом на заинтересовано наблюдавшего за происходящим Гая, поклонился членам Верховного Совета и отошел на свое место, сказав:

— Я сниму немедленно, как только ска…

Агелар поднял вверх руки, цепочка натянулась и, вспыхнув, сгорела вместе с браслетами, не успел Нирдэр закончить фразу.

— Магию Стихии не гасят суфферы, ей нет дела до магнитного разлома шардских земель. И в Вайле, и в Офроме любое смертное воплощении Стихии будет иметь доступ к магии, — вздохнув, пояснил Волрклар.

Агелар тем временем вернулся на место.

— Суть любой Стихии — вечность. Ты сильный маг, но твой сын принципиально иная форма жизни. Его нужно учить иначе, чем чистокровного пальори мага. Ты не справишься и никто из твоего клана, — продолжал Волрклар, — К тому же, ты не готов был бы убить его, если бы твои усилия пошли прахом.

— Вы тоже не пойдете на это, — подал голос Модирмах, — Мне понятно, к чему все идет. Жизнь воплощений ценнее любых ценностей…

— Отнюдь, я считаю правильным наделить правом его убить того, кто станет его наставником. Мне будет жаль, если такое произойдет, но я уверен, что наставник не должен колебаться в ситуации, если его подопечный проявит себя как злонамеренный и опасный для окружающих.

Гай посмотрел на Эрмира, тот на него и оба поняли друг друга без слов. Дарик Волрклар нагло врал.

— И кто же станет его наставником? — хмыкнул Нирдэр, — Господин торговец хорроpом? Он тоже не воплощение Стихии, как и я.

— Его потенциал рассчитан более чем на полторы тысячи лет, — невозмутимо возразил Наримар, — И, главное, он в полной мере осознает, с чем будет иметь дело и согласен на это.

— Интересно, зачем это ему? — фыркнул Нирдэр, явно сдаваясь.

Гай развернулся и посмотрел на него в упор.

— В ближайшую тысячу лет у меня не будет своих детей. Слишком долгая жизнь мне отмерена. Я не создан для родительских обязательств, однако планирую через сотню лет открыть свою магическую школу в провинции, мне нужен опыт наставничества.

Нирдэр успокоился и даже смирился с неизбежным. Он теряет контроль и власть над сыном. И все же он был рад, что тому не угрожает унизительная судьба вечного должника или слуги на побегушках великих мира сего. Нирдэр недооценивал Гая, считая легкомысленным молодым болваном и думал, что легко справится с ним при острой необходимости. Он не замышлял ничего дурного, просто обдумывал ситуацию с присущей всем ведьмакам отстраненной тщательностью, попутно успокаивая собственное самолюбие и тревогу за сына.

Гай все это прекрасно понимал и не обижался.

— Итак, давайте подытожим, — вновь заговорил Волрклар, — Господин Гай станет отныне официальным и единственным опекуном Эрмира — воплощения Стихии Мертвого Ветра. Он будет наделен правом единолично распоряжаться его судьбой, жизнью и смертью вплоть до достижения его подопечным возраста полной силы. Господин Гай, принимаешь ли ты на себя эту ответственность?

— Принимаю, — кивнул тот.

— Возражает ли против этого отец Эрмира по крови? Нирдэр, твое последнее слово.

— Выбор без выбора, — хмыкнул тот, — Нет, я не возражаю, это бессмысленно.

Эрмир заметил кривую ухмылку Эвара и тяжелый взгляд погруженного в собственные мысли Ордъёраина. На картинках в альбоме Гелары воплощение Огня Ордъёраин выглядел приветливым и веселым, сегодня же он являл собой несколько жуткое зрелище — суровый, беспощадный, готовый убивать.

— Все ли члены Верховного Совета согласны со сказанным мною? — спросил Волрклар.

Все по очереди вслух выразили согласие.

— Да будет так, — серебристый всполох от руки Волрклара метнулся к потолку, приняв форму иллюзорной пирамиды, — переходим к следующему вопросу.

Модирмах нетерпеливо заерзал на стуле.

— Всем пострадавшим в руднике должна быть выплачена компенсация в зависимости от тяжести их увечий. Каждому находящемуся сейчас в госпитале по 300 ашинов, десяти ведьмакам с переломами по 100—200, опять же, зависит от степени нанесенного вреда здоровью, остальным пострадавшим работникам по 35—50 ашинов. Именно такие компенсации оговорены между ними и господином Модирмахом.

— Я выплачу им положенное, но кто компенсирует убытки мне? — с горячностью воскликнул аркельд.

Он был уже в возрасте. Сухопарый, среднего роста, с черными живыми глазами, дорого и хорошо одетый, он не производил впечатление сколько-нибудь значительного или могущественного, даром что был самым богатым аркельдом Калантака. Он был обязан своим богатством брату — воплощению Мертвой Материи Кадану, растившему в его рудниках ценную руду и драгоценные камни как цветы.

— Я возьму это на себя, — спокойно ответил Гай, — раз я теперь опекун того, кто устроил этот бедлам, мне и расплачиваться.

— А жила макалита? Вы поступите ко мне в услужение на сотню лет? — ядовито процедил Модирмах, — Я потерял 192 кармана макалита, испорчено оборудование, шахта простаивает три дня. Нирдэру было, что мне предложить, а вам?

— Я богат, — усмехнулся Гай, — хоррор продается на трех континентах и вскоре будет продаваться по всему миру.

Модирмах задумался.

— 192 кармана макалита, вы представляете, сколько это стоит? — уже намного спокойнее заговорил он.

Верховный Совет оглушительно молчал. Молчал и Нирдэр.

— Назовите сумму, которая вас удовлетворит целиком и полностью.

— Триста тридцать тысяч ашинов! — безапелляционно заявил Модирмах. — Двести тысяч чистой стоимости плюс издержки…

Он осторожно окинул взглядом сидевших напротив магов, никто не стал возражать, взгляды многих обратились к Гаю.

— Издержки, конечно, великоваты, — крякнул тот и тут же добавил, — Хорошо. Триста тридцать тысяч ашинов я найду.

Модирмах ушам своим не поверил, Нирдэр вновь посмотрел на Гая, уже более уважительно, и тут же напрягся.

— Будет ли ведьмак Эрмир должен выплатить своему наставнику этот долг? — громко спросил он.

Наримар, Ордъёраин, Дирксел-Ди и Волрклар сразу отошли в сторону, остальные тихо совещались, не вставая со своих мест.

— Я не стану требовать от своего ученика возврата этого долга, — упростил всем задачу Гай, — Я заберу его жизнь, если посчитаю свой педагогический опыт неудачным, этого достаточно.

Маги Верховного Совета тут же вернулись на свои места, не скрывая своего удовольствия.

Эрмир зябко передернул плечами, отец больше не считал его своим сыном и ясно выразил это. Его снова начало мутить.

«Еще чуть-чуть, потерпи» — вновь раздался в голове голос дари Кайлин.

Он из последних сил взял себя в руки, прикрыл глаза, сосредотачиваясь на собственном дыхании. «…Это просто боль, а боль проходит. Страх тоже проходит. Все проходит…»

— Как скоро я получу эти деньги? — спросил Модирмах.

— Если хотите, сегодня, — пожал плечами Гай.

— Хочу, — кивнул тот, едва не светясь от радости.

— Я живу напротив Круга Магов, если Верховный Совета сочтет возможным, я рассчитаюсь прямо сейчас. Мне только нужно зайти домой за кошельком.

— Заберите заодно своего ученика, дальнейшее его присутствие тут необязательно, все, что касается его судьбы, уже решено, — тон Кайлин резанул холодом, можно было подумать, что она испытывает к ученику Гая неприязнь.

Эрмир знал, что это не так, он читал эмоции и понимал, что с ее стороны это помощь и забота. Эмоции своего отца он тоже различал — облегчение и одновременно горечь потери. Как будто для него он только что умер. Гаю просто было весело, как и Эвару, который пошел вместе с ними. Без члена Совета никто из посторонних не мог зайти и выйти из здания Круга Магов.

На прощание Эрмир поклонился Верховным Магам, ему ответили улыбками и кивками. Гай вновь уцепил его за локоть.

— Продавец хоррора! Как точно сказано! — хохотал Эвар, пока они переходили улицу.

Гай тоже смеялся в голос.

— Торгуем помаленьку, ужасами, алкоголем, как хотите так и понимайте…

— Душу продал или правда столько хоррором наторговал?

Эрмир вдруг понял, что Эвар и Гай говорят на каком-то незнакомом языке, который он почему-то понимает. Сил спрашивать о чем-либо не было, он едва дошел до дома, прежде чем сознание съехало в пустоту.

Гай почувствовал, что парень сползает по стене, как только закрылась входная дверь, поймал его в последний момент.

— Да чтоб тебя!

— Я схожу за Даникой, — быстро проговорил Эвар, выскочив из дома.

Гай не знал, как перехватить мальчишку, чтобы не дотрагиваться до спины, просто отправил его на диван заклинанием, плюхнув на живот.

— Какого лесного духа тебе не хватает? — осведомился он, заметив, что тот приходит в себя, — Что случилось? Действие лекарства прошло?

— Я не знаю, — глухо отозвался тот, — Просто жить не хочу.

— Ну, это дело поправимое, я думал, что-то серьезное, — хмыкнул Гай, попытался снять с него чусдек, у него ничего не получилось.

Эрмир снял их сам.

— Они же подавители, а не барьер, — пояснил он и усмехнулся, — я не же не таф, чтобы барьер на меня надевать, а ты снимаешь как заклинание барьера. Вы снимаете…

— «Ты» звучит лучше, — фыркнул Гай, — Прямо сейчас помирать не собираешься?

— Нет, мне лучше. Я не знаю, что это было.

— Паническая атака. Не надо было на тебя их надевать. Ладно, пойду отсчитывать ашины, полежи пока.

Пять минут спустя в дом вновь влетел Эвар вместе с молодой красивой белокурой женщиной аркельдом. Бросив взгляд на мальчишку, Эвар ушел в кабинет Гая.

— Я — Даника, целитель, — представилась она, — сесть можешь?

Эрмир тяжело поднялся, она расстегнула и сняла с него меховую накидку. Сразу стало легче дышать. В глазах все плыло.

Даника положила свои прохладные руки ему на виски, что-то прошептала, из ее ладоней потек зеленоватый дым запахло ментолом.

— Ты ослаблен. Тебе нужно много спать, есть и желательно ни о чем не беспокоиться следующие пару-тройку дней. Можно мне осмотреть твои раны?

— Гай не хочет, чтобы кто-то о них знал, — вздохнул Эрмир, — они не болят сейчас.

— Да, я чувствую сильную целительную магию, — кивнула Даника, — Гай будет не против, я точно знаю, но я с ним обязательно поговорю прежде. Ты потерял много крови.

Тем временем Гай и Эвар, смеясь, выкатились из кабинета, Гай с мешком за плечами.

— Санта-Клаус спешит вручить подарок жадному капиталисту, — сквозь смех проговорил он, уменьшив и спрятав мешок в карман.

Эрмир определенно понимал этот язык, но не смысл некоторых слов.

— Гай, мне надо знать, чем ты его лечил, — не обращая внимания на странные слова, заявила Даника.

— Эмульсией Карин, в стеклянном шкафу в кабинете стоит склянка с остатками, идите наверх, там болеть удобнее, мы скоро вернемся, — быстро распорядился Гай.

— Продадим немножко хоррора, да, мистер Крампус? — тихо добавил Эвар и оба вышли из дома.

— Это английский язык, — пояснила Даника для Эрмира, видя его растерянность, — Я понимаю его, потому что Эвар меня научил, а ты понимаешь, потому что все, в ком проявлена магия Воздуха, понимают языки смертных с высоким сознанием любых миров.

— Это язык другого мира? — ахнул Эрмир.

— Да. Ты узнаешь много нового теперь, но обсуждать это можно лишь с некоторыми, понятно?

— Да, конечно, я сохраню все тайны, слово ведьмака.

Ему стало так интересно, что умирать резко расхотелось. Он вспомнил об обещании Арикарды уже сегодня сделать для него спальню и ванную комнату, хотел расспросить Гая о том, чем закончился Совет, дочитать книжку, поесть, но просто уснул, едва его окутал ментоловый целительный туман, в который Даника погрузила его, сразу как они поднялись в спальню Гая.

В это же самое время Волрклар объявлял о получении компенсации и полном удовлетворении претензий всех пострадавших от действий юного Мертвого Ветра.

Глава 2

Следующие три дня Эрмир старательно выполнял рекомендации своего целителя. Много спал, ел по три раза в день, читал интересные книги из библиотеки наставника, наслаждался одиночеством и покоем в собственных «апартаментах». Именно так Гай называл выделенный ученику пристрой. Теперь у Эрмира была большая спальня, низкие широкие окна которой выходили в палисадник, разделявший дом Гая и дом Эвара и Даники, потрясающая ванная комната с ванной джакузи и душем водопадом, о которых он прежде не смел мечтать, удобная, но пока пустая гардеробная, где стояло огромное зеркало. Все ведьмаки считали зеркала чем-то роскошно обязательным для настоящего комфорта. Считалось, чем больше зеркало, тем лучше.

Днем Гай не появлялся дома, прилетал или его доставляли прямо в гостиную могущественные друзья поздними вечерами, делился со своим выздоравливающим учеником новостями, они пили вместе кофе, обсуждали книги и вновь расходились по своим спальням.

Никогда прежде Эрмир не был настолько предоставлен себе самому. Его это не тяготило, но удивляло. Его отец сложил с себя обязанности родителя и поклялся забыть, что у него был такой проблемный сын. Это же был обязан сделать младший брат. Однако мать и сестра вольны были поступать как угодно. На следующий же после Совета день Эрмир получил записку от Гелары, обещавшей, что они с матерью будут всегда рады видеть его в Ведьмацком Союзе в дни больших праздников и в пятый день любого месяца в гостях на их половине дома. Нирдэр обычно не возвращался домой с работы в пятый и шестой день месяца. Естественно, он знал о таком решении жены, но даже если бы хотел помешать, права такого не имел.

Гелара передала записку в школе Иви, а та, в свою очередь, Гаю, бывавшему в гостях в доме Ордъёраина и Кайлин едва ли ни через день. Семья Стража Порядка Кадъераина жила во владениях Верховных Магов. У них был там собственный флигель, однако все члены семьи Иви большую часть времени проводили во дворце Кайлин и Ордъёраина, с которыми их связывали крепкие дружеские узы.

В этом же дворце, как выяснил для себя Эрмир, жили молодые члены Верховного Совета Агелар и Малика, а также Дамард с супругой — воплощением Зари Светланой. С ней Эрмир тоже познакомился, когда в один из его первых дней в качестве ученика Гая Дамард и Света доставили его учителя домой. Судя по рассказам Гая, у которого в дворце Кайлин и Ордъёраина тоже была своя комната с ванной, дворец этот был по истине огромен и потрясающе красив.

Эрмир будто оказался в иной реальности. Его жизнь вдруг резко изменилась.

В его новом доме всегда пахло кофе и шоколадом. Никто не будил его в шесть утра для занятий с оружием, в ходе которых ему никогда не удавалось добиться хоть какого-то успеха или похвалы. Он был в этом абсолютной бездарностью. У него не было теперь никаких обязанностей, которые ему следовало неукоснительно выполнять. Вставал он ближе к десяти утра, что, с его точки зрения, было непозволительной роскошью, но для Гая это было «ни свет, ни заря, что тебе не спится, жаворонок долбанутый, свали в ужас, с глаз моих долой». Именно так он объяснил своему ученику на следующий же день после того, как официально его обрел, что к наставнику в спальню заходить ни в коем случае нельзя, тем более, его будить и сообщать, что уже десять утра.

Эрмир не привык к тому, что завтрак, обед и ужин могут быть когда угодно, просто надо попросить слугу их приготовить, что есть можно в одиночестве, никого не ждать и после еды, опять же, сколько угодно сидеть за столом, читая и потягивая кофе. Что те, кто в это время приходят трапезничать, не считают его нахождение с книгой за столом чем-то мешающем их трапезе.

Сам Гай читал лежа на диване, часто закинув ноги на диванную спинку. Эрмир искренне не подозревал, что так можно. Сделай он так в своем прежнем доме, не вылезал бы из подвала следующие пару дней. Единственное, что Гай требовал, это «убирать за собой» — пятна, следы, крошки. Очистительные заклинания Эрмир освоил давным-давно, потому, по словам Гая, мог «хоть по потолку ходить, пофиг, главное, чтобы грязных следов не оставалось».

Спать теперь Эрмир ложился в полночь. Он считал, что это поздно, Гай думал, что рано, но нисколько не возражал. Когда Эрмир отправлялся спать, его наставник как раз заваливался на диван почитать, посмотреть отчеты о продажах или уходил в Лакшори — ночной клуб, принадлежащий Эвару, единственное ночное заведение на весь двух с половиной миллионный Калантак, работающее до шести утра.

Гай запретил себе говорить «вы», что тоже было весьма странно для того, кого всю жизнь учили уважать иерархию.

Четвертый день новой жизни Эрмира начался с визита Даники. Осмотрев его, она объявила, что ее пациент совершенно здоров. Уже накануне, взглянув в зеркало, он не заметил даже остатка пореза, шрама или синяка на своем лице. Руки зажили еще раньше, теперь же и на спине не осталось следов отцовского кнута. Жаль, старые тонкие белые полоски чудесная эмульсия убрать не могла. Только свежие. Впрочем, его отец старался не оставлять на нем шрамов специально, только когда действительно был очень зол. По лицу ему прилетело впервые и случайно в день его «подвига на руднике».

Положа руку на сердце, зная что и как будет в итоге, Эрмир все бы повторил заново. Он был рад «уйти из дома», тяготило лишь то, что там он был больше не нужен. Осознание этого отзывалось почти физической болью.

— Ему уже можно заниматься магией, нервничать и все такое? — осведомился Гай, улыбаясь в 32 зуба.

— Да, он восстановился полностью, — кивнула Даника, — Хочешь познакомить его с верховным магистром Отанак?

У Эрмира дернулось сердце. Его отец считал эту магическую школу самой престижной из всех существующих.

Хорро Эшмун занял пост верховного магистра школы Отанак всего пять лет назад, но давно считался непревзойденным магом «темных искусств». Темными в Алаутаре называли искусства алхимии, заклинания камней, геологию, фармацевтику, создание големов — неживых работников в глубоких шахтах, все ментальные практики: как то гипноз, подчинение себе сновидений, искусство прорицания, наведение долговременных иллюзий и тд. Все горняки, создатели красок, ювелиры и предсказатели, в том числе сейсмологи и метеорологи, с точки зрения жителей Алаутара, занимались темным искусством. Никакого негатива в этом никто бы не усмотрел. Темное было синонимом тайного, скрытого и неочевидного.

— Честно говоря, я думал по магазинам его поводить, он все мои рубашки такими темпами перетаскает, пора ему собственным гардеробом обзавестись. К Эшмуну тоже зайдем, но это ближе к вечеру, сегодня учебный день, он в школе до четырех точно будет, — вслух размышлял Гай, пока Эрмир, стараясь не выдать своего волнения, перечислял слуге каро, что он желает на завтрак.

— Завтра в девять вечера в клубе у Эвара вечеринка в честь пятидесятилетия Светланы, возьмешь его с собой? — спросила Даника.

— Если захочет, он любитель пораньше лечь спать.

— Меня в Лакшори? Там же будут все самые известные маги! — едва не задохнулся от полноты чувств Эрмир, — Конечно, хочу! Если хочешь, я буду всегда ложиться спать на рассвете…

— Нет, нет, ничего такого я от тебя не хочу, не жду и, убей меня лопатой, даже в самом диком пьяном угаре не потребую, — остановил его Гай.

Даника засмеялась.

— Эвар совершенно прав, у тебя настоящий педагогический талант.

Гай лишь фыркнул в ответ.

Слово «Лакшори» на всеобщем языке Алаутара означало «слишком ранний завтрак или слишком поздний ужин», иначе говоря «ночной перекус», однако напоминало английское слово с совсем иным смыслом, потому, хозяин заведения, в нынешнем своем воплощении родившийся и выросший на туманном Альбионе, в мире «Внутреннее Поле», не мог не воспользоваться этим, выбирая название клубу.

После завтрака Гай и Эрмир отправились по магазинам. Не желая тратить время на терзания, кто чего «достоин и имеет право просить», «прирожденный педагог» вручил своему ученику кошелек с сотней ашинов, предупредив, что тот может потратить все сразу или растянуть до конца месяца — это только ему решать. В первый день каждого месяца ему будет выдаваться именно такая сумма и не ашином больше. Это была внушительная сумма, а для Эрмира вовсе «целое состояние». Прежде «своих» денег у него никогда не было.

В Алаутаре в году было 13 месяцев, все по 29 дней. После Зимнего Солнцестояния день не прибавлялся еще 15 дней. Летом тоже целых 15 дней длинный день не уменьшался ни на минуту.

Впервые за последние две с половиной недели наступил настоящий день. Хмурый и холодный, но все же светлый. Возможно, поэтому на улицах царило оживление. Все вдруг решили куда-то срочно сходить или прогуляться, причем, пешком. Гай и Эрмир до рыночной улицы также дошли на своих двоих.

Магазин леталок, пять магазинов одежды и обуви, магазин домашних мелочей и в Эрмире проснулся «Скрудж Макдак». Восемьдесят ашинов улетели без единого сожаления, однако потом он пересчитал оставшиеся и впал в ступор.

— Я транжира, — горестно вздохнул он, когда они шли по белому торговому переулку и с тоской посмотрел на книжный магазин.

— Был в книжной кофейне? — спросил его Гай, кивнув на вывеску, — Так и быть, я тебя приглашаю и сам заплачу за все.

— У ведьмаков нет такого, чтобы платил пригласивший, — усмехнулся Эрмир.

— Зато у меня есть. Идем, я хочу мокачино с кофейным ликером.

Эрмир никогда не был в этом заведении, да и в принципе мало, где успел побывать. В городе он никогда не гулял один, а с семьей был лишь в «Ведьмацком Союзе», на катке зимой, летом на роледроме, в ведьмацком театре теней и тавернах портовой части города, самой близкой к их дому.

Об этом он как раз рассказывал Гаю, пока они заходили в кофейню и устраивались за столиком.

Заведение «Кофе И Книги» 20 лет назад открыл вернувшийся в свой подлинный мир хорро Вальмах. Два уютных зала на десять столиков каждый. В одном принято было встречаться с друзьями, разговаривать, отмечать праздники, в другом полагалось читать. Кофе и десерты подавали и там и там. Книги можно было купить тут же, выбрать из стоящих за стеклом на полках «читального зала», а можно было приносить с собой.

Любой выходец из Внутреннего Поля нашел бы «Кофе И Книги» одним из самых привычных с детства заведений.

Повесив верхнюю одежду на вешалку у столика в зале «встреч и бесед», Гай оглянулся по сторонам. Старых знакомых Зефиры и Вальмаха сегодня не было, вместо них гостей обслуживали два молодых парня калатари, они же готовили десерты и кофе.

Эрмир бережно уложил свой шопер с уменьшенными в несколько раз коробками и свертками рядом с собой на диван, Гай свой мешок с покупками повесил вместе с плащом на вешалку.

— Доброго вам дня, господин Гай, — улыбнулся подошедший официант, — вам как всегда или что-то другое?

— Как всегда, — кивнул тот, — Спасибо Метиальк. Где наши крылатые господа?

— Господин Вальмах гостит у друзей в Ребдмере, а госпожа Зефира сегодня занята закупками.

— Передавай им от меня привет.

Метиальк вновь улыбнулся, слегка кивнув, и повернулся к спутнику Гая, изучающему меню под прозрачной поверхностью столешницы.

— Я не знаю, что это все собой представляет, — сдался он, вздохнув, — принесите что-нибудь вкусное.

— Чизкейк ему с тертым шоколадом и капучино с кофейным сиропом, — заказал для своего ученика Гай, — и еще ему потом надо будет выбрать пару книг в соседнем зале.

— Книги можно выбрать прямо сейчас, заказ принесу через 7—8 минут, стоимость книг включу в счет.

Официант удалился, Эрмир зажмурился.

— Правда можно?

— Иди уже, — махнул на него Гай.

Эрмир застрял в читальном зале на добрых десять минут. Гай уже стал опасаться, что его кофе придется подогревать. Сам он всегда брал тут мокачино с кофейным ликером и пирожное крем-брюле. Еще в этой кофейне подавали брауни, разнообразные чизкейки, меренги и торт «Анна Павлова». Ясное дело, все рецепты перекочевали сюда из Внутреннего Поля и мира, очень похожего на него, а для местных жителей казались экзотикой. Клиентов хватало. Даже сейчас в разгар дня, когда все были заняты повседневными делами, из десяти столиков свободными оставалось только три.

Наконец, вернулся Эрмир с еще одной книжкой Юны «Долгая дорога к морю» и путеводителем по близлежащим к Лаукару достопримечательностям, написанным еще одной хорро — Неферетэй, вернувшейся из Внутреннего Поля и организовавшей в Лаукаре первое в истории Алаутара «бюро экскурсий».

Попробовав чизкейк и капучино, Эрмир остался в полном восторге.

— Сегодня самый счастливый день моего рождения, — вдруг признался он.

— День рождения? Сегодня? Почему раньше не сказал? — усмехнулся Гай, — Ну, я рад, что ты так вовремя выздоровел. Поздравляю. Тебе восемнадцать?

Эрмир кивнул.

В Алаутаре дни рождения отмечали только до возраста полной силы, а потом лишь полувековые юбилеи 50, 100, 150 лет и тд. После пятисот лет напоминать о возрасте становилось неприличным, независимо от того, как выглядел юбиляр. Многие вовсе не доживали до этой даты. Тот, кому было отмерено потенциалом мага 160 лет, отмечал 150-летие и не стеснялся, того что старик, тот, кто встречал 500-летие молодым, вроде как мог оскорбиться напоминанием о своем возрасте.

— Сходим на каток? — то ли спросил, то ли попросил парень.

— Полетим. Отсюда далеко, давно я там не был…

Катки в Алаутаре тоже появились лишь двадцать лет назад, с возвращением хорро Сириуса и Фрейи, которые открыли первый в Калантаке, а чуть позже школу фигурного катания на коньках и роликах.

Теперь же их ученики открыли свои катки в Ребдмере, Шокре, Мильде, на Фиробархоре и, поговаривали, что и на севере материка Утаир в городе Пракродаш в начале следующей зимы тоже откроется каток.

Гай так и не научился нормально кататься, ему было лень напрягаться, но смотреть на катающихся любил, так же как «изображать пьяную корову на льду», о чем не преминул сообщить своему ученику.

— Я умею и люблю, — улыбнулся тот, — наверное, весь день бы мог, если бы мог.

— Ну, каток откроется через полчаса, часа два у тебя точно будет, — взглянув на часы напротив входа, успокоил его Гай, — потом пойдем в гости к магистру Эшмуну.

Кататься на коньках Эрмир действительно умел, как немногие. Он буквально мог танцевать на льду. Каток открывался в четыре после полудня и закрывался в одиннадцать вечера. С четырех до шести посетителей, как правило, было мало, лишь в праздничные и неучебные дни ко времени открытия собиралась толпа. Здесь же был прокат коньков, которые делал хорро из Ребдмера Владан, и торговый прилавок, где продавали горячие напитки, пирожки и пирожные.

Гай, взяв себе стаканчик глинтвейна, уселся на лавку зрительской трибуны «сторожить покупки». Быстро начинало темнеть. Вокруг зажигались голубые, зеленые и розовые световые сферы, оставляющие цвета предметов неизменными. На катке крутились дети и подростки, чьи родители, подобно Гаю, коротали время, читая или беседуя друг с другом на зрительских местах.

К нему тут же подсела молодая женщина аркельд, кузина двух катающихся девочек и по совместительству их временная няня. Познакомились, поговорили о погоде, глинтвейне, школе Сайнз, выпускницей которой была новая знакомая Гая, и школе Крамбль, которую закончил он сам. Он согрел ее руки, она уточнила, есть ли у него брачные или иные обязательства перед женщиной, посмеялись, обменялись адресами, договорились «когда-нибудь встретиться и познакомиться поближе».

Когда Гай вновь посмотрел в сторону катка, Эрмир кружился там в чисто ведьмацком танце с ведьмачкой марбо лет двадцати совершенно счастливый.

— Не знаешь, кто это? — спросил Гай у сидевшей с ним рядом девушки, чьи руки грелись у него под плащом в районе пояса.

— Вайл-Сури, она часто работает тут инструктором и выдает коньки. Ваш родственник отлично катается.

— Да, я сам не представлял насколько хорошо, — усмехнулся он, якобы случайно коснувшись губами ее виска, пока поворачивал голову.

Девушка еще теснее прижалась к нему.

— Ты живешь одна? — вдруг спросил он.

— С семьей дяди, но у меня свой вход и три комнаты, в которые никто из родственников не заходит после девяти вечера, — с удовольствием сообщила она, — Приходи в гости. Можешь сегодня?

— В десять не поздно будет?

— В самый раз, — довольно мурлыкнула она, поцеловав его в щеку, — Я Морика, кстати.

— Я — Гай. Я сразу должен предупредить, я не создан для обязательств.

— Я знаю, я поняла, кто ты, когда ты сказал, где живешь. Я слышала о тебе.

— Надеюсь, не только плохое? — улыбнулся он.

— Только то, что ты маг веселых ночей и сторонишься отношений с обязательствами. В моей жизни сейчас — это то, что нужно.

— Очень тому рад…

Кузины Морики направились к выходу с катка, пришлось попрощаться. Гай тоже вспомнил о планах навестить Эшмуна, но все же дождался, пока Вайл-Сури и Эрмир сделают перерыв в своем танце на льду.

— Вы давно знакомы? — спросил Гай, когда Эрмир снял коньки и попрощался со своей партнершей по танцам, также вернувшейся к своим рабочим обязанностям — выдавать

коньки, подгонять их по размеру заклинаниями и помогать желающим, но не умеющим на них стоять.

— Вторую зиму. Вайл-Сури учится в Намариэ, тут подрабатывает зимой.

Студенты любили подобные подработки, Гай нисколько тому не удивился.

— Пригласи ее как-нибудь к себе в гости, познакомитесь поближе.

Эрмир покраснел.

— Разве я посмею, мне только восемнадцать.

— Ну, самое время, я считаю. А то, чего доброго, влюбишься в первую попавшуюся девчонку, потому что неопытен и не способен отличить желание телесной близости от настоящих чувств.

— А разве одно исключает другое? — оторопел Эрмир.

— Это друг с другом не связано. Может, не исключать, а, может, не включать, — усмехнулся Гай, — ладно, я не собираюсь лезть в твою приватную жизнь, дело твое. Просто имей в виду, ты можешь принимать у себя гостей, в том числе девушек. Мой кабинет и мои комнаты наверху останутся закрытыми для них и откровенничать с девушками о том, что касается тебя, меня или кого-то из моих знакомых, не следует. И да, у меня бывают в гостях женщины, в такие дни и сам не лезь наверх в мои комнаты, договорились?

— Да, обещаю, — Эрмир с трудом переваривал услышанное. Всю дорогу до дома магистра Эшмуна он молчал.

Ведьмаки пальори, не достигшие двадцати лет, а чаще и возраста полной силы, были весьма консервативны в отношении к противоположному полу. Романы, конечно, случались, однако старшими кланов это не приветствовалось. Гай не удивился его шоку.

Дом магистра Эшмуна находился близко к Главной площади Калантака, к которой со всех сторон стекались все центральные, самые протяженные улицы города. Это был трехэтажный особняк, облицованный голубым, сверкающим при дневном свете камнем, с полукруглыми балконами на втором и третьем этажах.

Кроме Эшмуна и его супруги Афалеи в доме жили их взрослый сын Салахедин и двадцатидвухлетняя дочь Тинита, а также пожилая супружеская пара аркельдов, снимавшая у них четыре комнаты на первом этаже — бывший преподаватель Отанак с супругой, вернувшиеся после ста лет отсутствия доживать «последний глоток жизни» в Калантак из Саймура — города на юге материка Даваликар.

Дверь открыла слуга каро и, услышав о цели визита, пригласила пройти сразу в кабинет господина Эшмуна — единственную комнату на первом этаже, не считая холла с ведущей наверх лестницей, оставшуюся в распоряжении семьи владельца дома. Остальная часть первого этажа теперь имела другой вход.

Эрмир вновь занервничал, у него даже пальцы слегка дрожали, оттого он не знал куда деть руки.

— Эшмун все знает о тебе, Эвар его предупредил, чего ты дергаешься? — хмыкнул Гай.

— За мной тянется такой позорный хвост, — буркнул тот, — отец бы точно стыдился меня долгие годы, если бы я остался его сыном.

— Ну, в мире твоего отца все слишком сложно и тошно, мне не понять. Я не вижу, чего тут можно было бы стыдиться.

Эрмир подавил нервный смешок.

— Тебе повезло, что ты не чистокровный ведьмак.

Эшмун был не слишком высок, но крепок и явно очень силен физически. Слегка раскосые ведьмацкие глаза густого сиреневого цвета пронизывали насквозь. Он улыбался, говорил об обыденных вещах, а глаза, казалось, смотрели вдаль на нечто незримое. Одет он был просто: в черные брюки и домашнюю бордовую атласную куртку.

— Я рад, что вы пришли. Я встречаюсь лично со всеми своими будущими студентами с тех пор, как стал магистром. Мне надоело, что в Отанак пытаются попасть по знакомству и за деньги.

— Твои преподаватели берут взятки? — засмеялся Гай.

— Представь себе! И твоя Шартабэль-Деми не исключение, чтоб ты знал! Почему-то вдруг стало престижно проучиться в Отанак семестр или год. Дольше никто из тех, кто не соответствует критериям школы, продержатся не может.

Он посмотрел на Эрмира в упор.

— Очень молод, ребенок совсем. Ладно, господин Эрмир, если позволишь, я посмотрю на тебя пристально и задам несколько вопросов о том, что тебе нравится, не нравится, чего боишься и к чему стремишься. Тебе необязательно будет отвечать, я сам все увижу. Я обещаю, что твои тайны не уйдут дальше этого кабинета, однако, поскольку ты так молод, что-то я должен буду раскрыть твоему наставнику. Согласен?

Эрмир кивнул, посмотрев на Гая, будто в поисках поддержки, тот ободряюще улыбнулся. Эшмун пригласил его сесть на стул и сам сел напротив, поймав его взгляд, будто в капкан. Взгляд Эрмира сделался отрешенным и пустым. Гай уселся поодаль на краешек стола.

— Что тебе нравится? — обволакивающий голос и на Гая подействовал усыпляюще, он даже головой тряхнул, отгоняя дремоту.

Спустя пять минут последовал второй вопрос:

— Что тебе противно?

Далее через равные промежутки времени были вопросы «Чего боишься?» и «Как ты хочешь видеть себя в 25 лет?».

Гай широко зевнул и тут же резко проснулся от потустороннего смеха над ухом:

— А ты-то куда? Тебя я в свою школу точно не возьму.

Эшмун весело подмигнул ему, определенно ничего не произнеся вслух.

— Все, господин Эрмир, я узнал достаточно.

Парень ведьмак дернулся и потер глаза.

— Я заснул? Простите…

— Нет, что ты, так было задумано.

Эшмун посмотрел на Гая.

— Кому пришла эта гениальная идея отправить его учиться в Отанак? Кто этот садист?

— Дарик Волрклар, — усмехнулся Гай, — он же Мертвый Ветер, макалит испаряется по его желанию…

— Этому никто не сможет его научить. Это природная магия. Никто в Отанак не научит его делать из макалита или рубина газ-краску, способную выкрасить кончики ведьмацких волос, этого кроме него никто не может, даже Кадан. А все остальные темные искусства идут вразрез с его устремлениями и натурой. Мертвый Ветер отчаянно тяготеет ко всему живому, чувствующему и материальному. Ему не нужно в Отанак. В Сайнз, Крамбль, даже в Намариэ с его любовью к наблюдению за белками и желанием развести на охлажденной земле близ Лаукара плантации солода и барики. С его потенциалом он в любой из этих школ освоит все приемы магического самоконтроля. Ничего сложного в этом для него нет, ты и сам прекрасно справишься с задачей научить его держать магию в узде. Я считаю, самая подходящая для него школа Сайнз, если уж так необходимо именно в школу его пристроить. Обычно все твердят, что воплощениям Стихий в магических школах делать нечего.

Эрмир совсем скис, Гай встал позади его стула, положив руки ему на плечи.

— Тебе только что сделали комплимент, мой юный подаван. Никто не считает тебя бестолочью, недостойной Отанак.

— Я какой-то совсем неправильный ведьмак, — с трудом удерживаясь, чтобы не разрыдаться, вздохнул он, — позор ведьмацкого мира… Я осознал, чего я боюсь, как мне жить теперь с этим?

— И чего ты боишься? — насторожился Гай.

— Закрытых пространств без окон, лабиринтов и темноты. Его вообще нельзя пускать в подземные переходы, штольни, пещеры, если не хотите, чтобы все вокруг стало пылью и газом и разлетелось на километры вокруг, — спокойно ответил вместо него Эшмун, — У парня клаустрофобия. Гай, ты знаешь, что это, объясни как-нибудь Волрклару.

Гай задумчиво потер подбородок и вновь вернул руку на плечо парня.

— Я почти уверен, что он и без нас понимает, что в Отанак ему делать нечего, просто хотел конкретизировать почему и чтобы сам Эрмир это понял со всей очевидностью.

— Вас Великих не понять, — засмеялся Эшмун, вставая, — В общем, в Отанак я его не возьму и не потому, что не хочу. Просто его путь иной.

Эрмир чувствовал, как сжавшаяся у горла пружина медленно разжимается. От рук Гая шло вполне физически осязаемое тепло, но еще что-то трудно различимое, как будто огонь свечи разгонял обступившие со всех сторон тени, магия ошалевшей беспочвенной надежды, которую боялась тьма, скалилась из тумана прошлого и будущего, но подходить близко не смела.

На обратном пути домой зашли в кондитерскую и Гай купил несколько коробок пирожных — «ледяной пыли» и «шоколадных буков». Эти десерты считались самыми дорогими. «Ледяную пыль» Эрмир попробовал впервые. Внутри пирожного был обжигающе холодный ликер, крепость которого ощущалась лишь после того, как некоторые калатари и аркельды, съев по три-четыре голубовато-белых шарика «пыли» пьянели до состояния «ноги заплетаются, язык не ворочается». Ведьмаки опьянение ощущали лишь после десятого шарика. В «шоколадном буке» тоже был ликер. Гаю «шоколадные буки» напоминали брауни с коньяком в текучей начинке.

Десерты аппетита не испортили. Вернувшись домой они оба плотно поужинали и Гай засобирался в гости на всю ночь.

— Тебя можно оставить одного, ничего не учудишь? — на всякий случай спросил он, пока Эрмир разбирал в гостиной свои покупки.

— Клянусь, ничего не сделаю, почитаю и спать пойду, — заверил его парень.

— Если вдруг что-то экстраординарное случится, мало ли, потолок рухнет, воры влезут и ты кого-то из них пришибешь стулом, не думай, сразу беги в дом Эвара. Он закопает трупы и вернет потолок на место, ну или просто до утра у него побудешь, а я вернусь и все это сделаю сам…

— Ты ведь шутишь, да? — скептически усмехнулся Эрмир, — Почему мне кажется, что нет? Это ведь горячечный бред…

— Я шучу, но беспокоюсь, просто я паникер, — фыркнул Гай.

— Я клянусь тебе, ничего не случится, — совсем серьезно заверил его Эрмир, — Я скорее умру, чем нанесу вред твоему дому.

— Вот это-то меня и беспокоит больше всего, — вздохнул Гай и, направляясь уже к двери, грозно прикрикнул, — Не смей умирать, пока меня нет дома!

— Ладно, не умру, будь спокоен.

* * *

— Он спит при ярком свете с тех пор, как обзавелся собственной спальней. Я не подозревал, что это из-за нелюбви к темноте, — хмыкнул Гай.

— Да… Ведьмак, спящий при свете, не потому, что забыл его выключить — это более чем необычно, — вздохнул Волрклар.

Ведьмаки прекрасно видели в темноте, даже цвета различали, для них тусклый свет был равноценен его отсутствию, многие, засыпая, не замечали минимально включенных светильников, так что сам факт того, что ведьмак спит со светом, не удивил бы никого в Алаутаре. Темноты для них просто не существовало как таковой.

Под конец вечеринки Светланы Гай отозвал Волрклара в сторону и обрушил на него полученную от Эшмуна информацию.

Вокруг все продолжали веселиться. Лакшори сегодня был закрыт для посторонних, были только приглашенные Светланой гости.

Как и Гай, Света выглядела двадцатипятилетней девушкой в свои пятьдесят и, как и он, все еще не могла в это до конца поверить. Зеленые глаза, каштановые, будто мелированные золотыми искрами, длинные локоны — молода и красива, как и четырехсотлетние Ордъёраин и Кайлин. Что там пятьдесят лет, впереди вечность. Дамард кружил ее в танце под песню «миллион лет» scorpions, когда-то, очень давно (20 лет назад) переведенную с английского на пардэн (всеобщий язык Алаутара).

За роялем был Эвар, за барной стойкой колдовали Нот и Мистралияра, со второго этажа доносились голоса и смех зрителей и участников бильярдного турнира. Многие танцевали, остальные пили коктейли и общались.

Подобные праздники были отличным поводом встретиться со старыми друзьями, живущими в других частях мира, или просто очень занятыми каждый день.

Эрмир тоже танцевал со всеми, кого осмеливался пригласить. С Карин, Иви, Арикардой, дари Йольрикой, Даникой и со Светланой тоже несколько раз.

Коромэлл сидел, болтая ногами, на барной стойке, «учась у профессионалов» смешению и приготовлению коктейлей — 14-летний подросток хорро (те же аркельды, только с крыльями при необходимости), светло-русые волосы, ясные голубые глаза, высокий и сильный для своих лет, немного неуклюжий, наивный и, в отличие от Эрмира, совершенно не замороченный, не боящийся делать ошибки, осуждения, чужого мнения о себе. Его только что выгнали из бильярдной за «жульничество» (он пытался незаметно двигать шары магией) и это нисколько его не смутило и не расстроило. Он точно знал, что все просто посмеялись и спровадили его, чтобы не мешал, а вовсе не потому, что кто-то рассердился или посчитал его недостойным рядом стоять.

— Ты прав, я не видел Эрмира в Отанак, — помолчав, продолжил Волрклар, — мне было интересно, почему, ведь это самое логичное. Теперь все встало на свои места.

— Ему непременно надо в магическую школу?

— Для социализации было бы неплохо. Его мир был до безобразия замкнут и слишком много чистокровного дерьма в его голове, — пожал плечами ведьмак и резко сменил тему, — Ордъёраин злится на меня до сих пор за чусдек, которые я нацепил на парня на Совете, сказав, что они бутафорские, но не уточнив, что только для воплощений Стихий. Не подливай масла в огонь, если сможешь.

Гай кивнул. Ордъёраин и Кайлин как раз закончили танцевать и направлялись к ним. Разговор свернул на тему жадности Модирмаха и желания Ордъёраина завести себе столик из макалита со встроенным мангалом, где можно было бы растапливать сыр и шоколад, чтобы макать в них кусочки фруктов, готовить кофе и даже мясо на углях и одновременно есть, как за столом. Идея принадлежала Гаю, но тот так и не собрался пока ее воплотить.

— Как твой подаван? — все же спросила Кайлин спустя какое-то время.

Гай махнул в сторону добравшегося до рояля парня, которого Эвар учил играть в этот самый момент.

— Да вроде бы хорошо. Скупил все рубашки в лавке госпожи Ламилидики, отлично танцует на льду и ему нравятся книги Юны. Кстати, я обещал, что представлю его ей, а их с Миликсаном нет.

— У Миликсана умерли родители, отец от старости, а у матери не выдержало сердце, не успели спасти. Юна с ним на Фиробархоре, — вздохнул Волрклар, — его родители прожили долгую жизнь, но такие потери всегда тяжело пережить.

— Карин ждет подобная судьба, — тихо заметила Кайлин, — она батъёри, ее сердце уязвимо вдвойне.

Гай посмотрел в сторону танцующих Карин и Мальшарда. Она должна была пережить его на 200—250 лет.

— Лучше не думать об этом, — передернул плечами Ордъёраин, — у них впереди много счастливых лет.

Раздались звуки аруги — музыки для «долгого танца» финала вечера, похожего одновременно на калатарийскую калёрку, ведьмацкий тшик и привычную Гаю бачату. Под аруги принято было танцевать короткие промежутки времени со всеми, с кем не успели потанцевать за вечер. Играла же аруги по часу.

К Гаю подлетела Светлана, требовательно увлекла на танцпол. Он заметил, что Дамард подхватил под руку мать, а Арикарда повисла на отце. Волрклара же утащила на танцпол дари Тасима. Коромэлл танцевал с дари Йольрикой, Дарк с Даникой, Наримар с Айрой. Со второго этажа клуба спускались игроки в бильярд, также разбиваясь на пары.

Эвар и Эрмир играли в четыре руки. Ведьмаки удивительно быстро и легко обучались игре на музыкальных инструментах и обладали абсолютным музыкальным слухом. При этом никогда не пели, и очень редко кто из них был способен слагать стихи. Калатари, напротив, могли легко зарифмовать что угодно, любили и умели петь. Аркельды, как потомки ведьмацко-калатарийского союза, имели непредсказуемые способности к музыке или не имели их вовсе. Тут уж как кому везло. Хорро в этом от аркельдов не отличались.

— Мы с Дардом сегодня навестили кота Маркиза и Саню в Изначальном мире, — улыбнулась Светлана, — с прошлого нашего визита у них там прошло 30 лет. Все у них хорошо.

Гай расплылся в улыбке.

— Кошаку не надоело быть «Великим Царрем»?

— О, это ему не надоест никогда, — засмеялась Света.

— Возьмите как-нибудь меня в гости к ним, я давно не видел этих хвостатых всезнаек.

— 11 лет, не так уж и давно. Мы учтем, что ты хочешь с нами, когда соберемся в следующий раз прогуляться в Изначальный мир, — пообещала Света, — Вчера мы ходили туда по делу. Дард хотел спросить у всезнающего Царря, какого черта Мертвый Ветер так похож на батъёри, ему это покоя не дает. Он подумал, что Стихии могут воплощаться в смертных не только в Алаутаре, но и там…

— И что? Это возможно? — Гай даже слегка затормозил в танце, чуть не столкнувшись с Дарком спинами, однако Светлана ловко развернула его, уводя в сторону.

— В целом ничего невероятного в этом нет. Кайлин и Ордъёраин тому доказательство. Однако Маркиз говорит, Мертвый Ветер не рождался и не жил смертную жизнь батъёри в Изначальном мире, не было такого. Вот посетить Изначальный мир в первозданном виде, как Стихия Мертвого Ветра вполне мог, это объяснило бы некоторые неестественные для Изначального мира аномалии в горах Великого Срединного Горного Хребта, происходившие там несколько тысячелетий, а потом сошедшие на нет.

— Накуролесил и свалил, — усмехнулся Гай.

— Или просто случайно провалился в другой мир, запутался, но в итоге выбрался обратно в мир, что лучше знал, — кивнула Света, — И где-то в процессе этих шараханий встретил батъёри и решил, что «вот это оптимальный вариант, так и буду выглядеть всегда». Это догадки, разумеется. Если бы он использовал тушку батъёри «поносить», как ты в свое время, и батъёри бы после умер, Маркиз бы об этом знал. Максимум, мог ненадолго вселиться, не причинив никакого вреда смертному, не напугав его, заставив молчать об этом и не сделав в

этом теле ничего странного и несвойственного Изначальному миру. Иначе всезнающие кошки были бы в курсе.

На плечо Светы легла рука Агелара, а Гая перехватила Малика, пришлось прервать разговор. Впрочем, все было сказано, Гай не расстроился, с удовольствием продолжив танцевать. Сначала с Маликой, потом Орвирой, Эланор, супругой Стража Порядка Улисса — Марималь, Карин и с маленькой Иви тоже.

Вскоре Эвара и Эрмира у рояля сменили, не прерывая музыки, Волрклар и Дарк, чтобы те тоже могли дотанцевать последние танцы.

У Эрмира от обилия впечатлений весь вечер приятно кружилась голова, состояние было близко к эйфории. Никогда прежде окружающие не были так однозначно дружелюбно расположены к нему, при том, что он не притворялся, позволял себе говорить о чем угодно и делать, что нравится. Сегодня показавшиеся на Совете суровыми и опасными Кайлин и Ордъёраин выглядели и вели себя совершенно иначе, полностью соответствуя своим образам на картинках в детских коллекционных наборах — улыбчивые, приветливые, щедрые в мудрости и помощи.

Эрмир не мог не видеть и не ощущать отношения Великих мира сего к его наставнику. Никакого покровительства, они воспринимали его как равного и даже готовы были слушать, как старшего. И Гай воспринимал это как должное, ему это не льстило, не доставляло удовольствия, это его не возвышало, не удивляло. Просто данность, которую он принимал. Сам же он очень дорожил всеми присутствующими, как близкими ему, как своей семьей. И это плохо соотносилось с тем, что ему всего 54 года, 31 из которых он провел в приюте навсегда безумных, пусть даже Великое Море отметило его своей милостью. Эрмир знал, что за всем этим стоит нечто большее, что ему пока не надлежит знать.

— Гай, если мне удастся накопить на рояль, ты позволишь мне купить его? — спросил Эрмир, когда они шли после вечеринки домой.

Тот лишь усмехнулся.

— Ладно, будет тебе рояль, в гостиной сильно поубавится места, но с другой стороны, ко мне не приходят толпы для танцев, так что приемлемо. Закажу на днях.

— Сколько они стоят? У меня пока только двадцать ашинов…

— Нет, нет, он в гостиной встанет, поэтому я сам куплю, считай, для себя, просто ты будешь услаждать мой слух, сколько тебе влезет, — остановил его наставник, — они по 350 ашинов стоят, если у Аматида заказывать.

— Ничего себе! — ахнул Эрмир, — Это три месяца можно жить вчетвером, если скромно.

— Слишком многие ведьмаки, да и не только они, хотят себе такую игрушку домой. У Аматида предзаказ на полгода, он не любит много работать и ему скучно делать рояли лишь бы сделать. Он художник, а не торгаш, поэтому так дорого, — засмеялся Гай, — Есть, конечно, другие, кто их делает, но, сам понимаешь, копии всегда уступают оригиналу. Лучше Аматида в Алаутаре никто не делает рояли и скрипки.

Улицы были пусты, в редких домах горел свет. В четыре часа ночи Калантак мирно спал, преступности здесь, как таковой, не было. Безобразничали тафы — агрессивные каро, считавшие себя свободными и заслуживающими быть равными с существами с высоким сознанием: аркельдами, ведьмаками, калатари и хорро. Сами же каро и тафы, соответственно, были стопроцентными животными. Однако и тафы по ночам предпочитали спать, поскольку в это время суток могли нарваться лишь на сильного взрослого мага. Детей и стариков, чей магический потенциал был слаб и нестабилен, прогулки в четыре ночи не привлекали, а встреча со взрослым сильным магом для тафа стала бы роковой. При любом раскладе, он не унес бы всех лап живым здоровым и без «барьера» — впитавшегося в его тело заклинания, на всю оставшуюся жизнь делавшего тафа смирным. При любой попытке напасть на обладателя высокого сознания или при покушении на воровство таф с «барьером» умирал на месте.

Гай и Эрмир шли не спеша, болтая обо всем подряд. Практически у дома их нагнали Эвар и Даника, задержавшиеся в клубе после ухода всех посетителей, чтобы расставить по местам мебель и убраться. Естественно, при помощи магии, а не руками. Эвар буквально прилетел с женой на руках, опустив ее на землю только у дома Гая. Эрмир вздрогнул увидев, насколько огромны его крылья.

— Я забыла тебе отдать, — опомнилась Даника, протянув Эрмиру записку, — Сегодня днем ко мне приходила твоя мать, с ней все хорошо, она просто узнала, что я вхожа в дом Гая и ей хотелось убедиться, что у тебя все в порядке, — поспешила договорить она, видя его беспокойство.

— Спасибо, я вам очень обязан, — Эрмир слегка поклонился.

Эвар тем временем попрощался с Гаем, наконец, они разошлись по домам. Оказавшись в тепле и тишине, Эрмир понял, что очень устал.

— Что там? — кивнул Гай на записку, которую тот боялся развернуть, не чувствуя сил на плохие новости, а хороших почему-то не ждал.

— Прочитай сам, я не могу, — вдруг признался парень, отдав наставнику запечатанный сургучом, сложенный кармашком лист.

Гай быстро пробежал глазами по строчкам.

— Ну, и ничего особенного, отставить панику. Просто твой отец попросил ее принести тебе твои вещи сюда. Завтра в три дня она и Гелара придут в гости. Она просит тебя предупредить меня об этом, вот и все.

Эрмир слишком громко и облегченно вздохнул, чтобы изображать спокойствие.

— Я дурак, да? И абсолютно не умею держать себя в руках…

— Ты просто эмоциональный. Это не хорошо и не плохо, как цвет глаз. Уж какой есть, дело вкуса. Кому-то нравится карий цвет глаз и эмоциональный диапазон табурета, а кому-то зеленый или такая эмоциональность, как у тебя. Нет смысла даже думать об этом.

— Я бы не думал, если бы был аркельдом, — горько вздохнул Эрмир, — Я — позор ведьмацкого мира.

— Так, кончай жрать мне мозги, — фыркнул Гай, доставая из витражного шкафа бутылку виски и бокалы, — Хочешь, хоррора налью, чтобы спалось крепче?

Эрмир энергично кивнул.

На следующий день Гаю пришлось будить своего подавана, потому как в час дня тот еще изволил крепко спать. Узнав сколько времени, Эрмир не поверил и еще больше тому, что Гай не считает проступком столь длительный сон.

— Если бы не визит твоих родных, я бы тебя не стал дергать, сегодня всеобщий неучебный день, всем в твоем возрасте сегодня полагается отдыхать.

— Раньше в неучебные дни я был более занят, чем в учебные, если приезжал домой, — усмехнулся Эрмир, — Правда, в такие дни иногда вечерами мы ходили на каток или в иллюзион.

— Ну, может, мы сходим на каток вечером тоже. Короче, одевайся, приводи себя в порядок и приходи завтракать, у нас в гостях Мальшард, поэтому в ночной одежде не выползай, — с этими словами Гай выключил прикосновением горевший с ночи светильник и вышел из его спальни.

За окном шел снег, мягко ложась на густые кусты можжевельника, растущего рядом с домом. Из его окон не было видно улицы и Круг Магов, только кусок соседского дома, за растущими в палисаднике пихтами и можжевельником.

В доме отца окна его спальни выходили на дорогу из Калантака и город, представлявшийся ему далекой мечтой, полной развлечений, веселья и вкусностей, недоступных для него в силу неправильности его собственных приоритетов. Семья Нирдэра была более, чем обеспеченной, однако Нирдэр считал, что подросткам деньги во вред, как и большое количество

развлечений. Отцу не нравились глупые и праздные стремления и увлечения сына — танцы, каток, ролики, иллюзионы, музыка. В детстве это было простительно, но не после 15 лет, по его мнению.

«Ты что, какой-то марбо, чтобы прыгать на потеху остальным?» — всякий раз выговаривал он сыну, когда речь заходила о школе катания на коньках, роликах или танцах. Отец всегда был им разочарован, чтобы он не сделал и о чем бы не заговорил. И злился, если подолгу молчал и забывал притворяться заинтересованным жизнью без «праздных устремлений».

«Наконец-то он избавился от меня» — грустно вздохнул Эрмир и обвел взглядом свою более чем шикарную спальню, — «все к лучшему, как бы еще унять эту дурацкую тоску…»

Ему пришлось завтракать в одиночестве, Гай успел поесть и теперь они с Мальшардом, разложив ворох бумаг перед собой, обсуждали устройство складов для выдерживания хоррора в Лаукаре.

Эрмир не без интереса слушал о специфике охлаждающих заклинаний, коими были перегружены окрестности Лаукара, об устройстве перегонного производства, не забывая о еде. На десерт слуга каро принес ему два шарика «ледяной пыли» и кофе, а Гаю и Мальшарду подал трубки и вишневый табак.

Впервые Эрмиру прилетело кнутом и на его руках захлопнулись чусдек в десять лет, как раз из-за табака. В тот день он решил попробовать втихаря покурить на кухне и разжег трубку заклинанием чудрир. В результате поджег весь мешок с трехмесячным запасом табака и чуть не спалил дом. С тех пор он перестал любить запах табачного дыма.

Гай и Мальшард одновременно обернулись к нему.

— Что с тобой? Ты чего так резко погрустнел? — спросил маг Ледяного Дождя.

— И так страстно возжелал окопаться в своей норе?

Эрмир виновато пожал плечами.

— Простите. Я не хотел вас отвлекать или беспокоить. Я вспомнил лишнее, простите…

— Дым, дым напомнил, — объяснил Мальшард, чувствующий чужие эмоции и ощущения, — У него сердце сейчас выпрыгнет из груди от накрывшего его воспоминания.

— Э, брат, с этим придется что-то делать, я курю знаешь ли, — протянул Гай, гася свою трубку.

Мальшард последовал его примеру.

— Я обязательно привыкну и поумнею, клянусь, — быстро проговорил Эрмир, — не обращайте внимания на меня. Это дурь и все.

— Куда ты денешься, привыкнешь, конечно, — Гай с сожалением посмотрел на трубку и кивнул Мальшарду на дверь в свой кабинет, — Ладно, пока не привык, мы не будем курить при тебе.

Они ушли в кабинет, оставив Эрмира размышлять о собственной ущербности. И все же настроение его улучшилось как по волшебству после первого же шарика «ледяной пыли».

В половине третьего Мальшард ушел, Гай убрал бумаги со стола и приказал слуге подать фрукты на столик у дивана. Эрмир пытался читать и ничего не ждать от предстоящей встречи. Бесполезно, он не мог думать ни о чем кроме.

Когда ровно в три часа в дверь постучали, сердце рухнуло в желудок. Гай ничего не сказал, хоть явно видел его недостойную пальори взвинченность, молча открыл дверь сам.

Эрмир не успел встать с дивана, как на нем повисла сестра.

— Ты живой! Инвервира не соврала! Ты жив и здоров!

— Простите, — мягко улыбнулась Гаю миловидная ведьмачка пальори, — Позвольте представиться, я — Аодари.

У нее был глубокий, приятный голос. Гай прекрасно чувствовал, что перед ним сильный маг, равный Нирдэру и, наверняка, примерно того же возраста. Аодари была мудра и обладала уверенностью давно живущего на свете. У нее тоже были изумрудно-зеленые глаза, как

у ее сына, но она, без сомнения, была именно пальори — высокая, статная, Гай едва доставал макушкой ей до носа.

— Прошу, проходите, рад видеть вас в своем доме, — сверкнул жемчужный улыбкой Гай.

Эрмир, не выпуская сестру из объятий, шагнул матери навстречу.

— Прости, мы не смогли даже попрощаться, — тихо пробормотал он.

Та его просто обняла, поцеловав в висок.

— Моя благодарность вам бесконечна, — с трудом взяв себя в руки, твердо проговорила она, глядя Гаю прямо в глаза, — Если вам что-то понадобиться, что угодно, я буду счастлива вам вернуть хотя бы часть этого невозвратного долга.

Гай знал, что женщины в ведьмацких семьях никогда не считались обязанными кредиторам отцов, мужей или сыновей. Мужские и женские кланы существовали параллельно друг другу, границы были очерчены жестко и никогда не нарушались. Ее слова звучали вызовом всему ведьмацкому укладу. Эрмир удивленно хлопал глазами.

— Для меня это ценно и лестно, — Гай не стал как обычно в таких ситуациях ерничать, жестом пригласил гостей устраиваться на диванах, — Я могу оставить вас поговорить втроем. Если угодно тут или у Эрмира в комнатах.

— У него свои комнаты? — ахнула Гелара, — Я прошу прощения за неучтивость, слишком волнуюсь и рада, — быстро добавила она.

— Не страшно, — улыбнулся Гай.

— Я бы хотела поговорить с вами. Я не отниму у вас много времени. Если у Эрмира есть своя комната, я бы хотела, чтобы дети подождали меня там, — Аодари строго посмотрела на уже развалившуюся в кресле Гелару.

Эрмир кивнул и тоже встал вслед за сестрой. Гай усмехнулся, усевшись в кресло, с которого гостья только что согнала его подавана, уже тащившего сестру показывать свои апартаменты.

Аодари волновалась, но ей хорошо удавалась собой владеть. Гай терпеливо ждал, пока она соберется с мыслями, взяв себе яблоко с подноса.

— Я знаю, что вы стали единственным опекуном моего сына и имеете всю полноту власти над его судьбой. Я знаю, что он воплощение Мертвого Ветра. Я знаю, что не имею права спрашивать вас о подобном, но я все же спрошу и приму любой ваш ответ. Почему Верховный Совет выбрал именно вас для этого?

— Потому что я богат и один из самых сильных магов этого мира, — бесстрастно солгал Гай. Он был готов к подобному вопросу, — Эрмир в безопасности в этом доме и расходы, с этим сопряженные, не ощутимы для моего состояния. К тому же, я частное лицо, не обремененное обязательствами по отношению к целому миру, как маги Верховного Совета, у меня много свободного времени, я меньше на виду, чем кто-либо из них. Они захотели оставить это частным делом и дать возможность широкой общественности быстро забыть об инциденте в руднике.

Аодари задумалась, успокоившись.

— А вам самому зачем это нужно?

Гай вновь улыбнулся, на этот вопрос он тоже заготовил ответ.

— Я помню детство до шести лет и после себя с тридцати одного года. У меня нет братьев, сестер, родителей, при том я богат и у меня впереди более пятнадцати сотен лет. Я не готов к брачным обязательствам и точно не хочу пережить жену и пра-правнуков, обзаведясь семьей сейчас. Эрмир — воплощение Мертвого Ветра. Он способен стать членом моей семьи, которого мне не грозит хоронить по умолчанию. Потому я сделаю все, чтобы уберечь его от опасных для жизни или благополучия неприятностей.

Аодари прикрыла глаза и глубоко вздохнула, едва не застонав от облегчения. Гай подумал, что Эрмир явно пошел в мать складом натуры.

— Я благодарна вам за вашу откровенность. Еще раз примите мои извинения за неучтивые вопросы.

— Я рад, что мы это выяснили.

— Я буду всегда рада видеть вас на своей половине дома. К сожалению, пока обстоятельства не позволяют приглашать вас и Эрмира в любой из дней.

— Он сказал, что в пятый день каждого месяца вы будете встречаться.

— Да, пока так.

— Я уже сказал Эрмиру, что он может принимать тут своих гостей. И я также буду рад видеть вас и вашу дочь тут.

— Благодарю. Я не стану отнимать у вас больше время, — Аодари встала и чуть поклонилась, — Проводите меня в комнату Эрмира? Боюсь, я могу не найти…

Гай довел ее до дверей, не преминув заглянуть внутрь. Эрмир и Гелара сидели друг напротив друга, он на кровати, она в кресле у камина, громко смеялись и, перебивая друг друга, делились новостями и впечатлениями от событий прошедших дней, съеденных пирожных, книгах, покупках и тд. Гай плотно закрыл за вошедшей в комнату Аодари дверь.

Спустя два с половиной часа, прощаясь, Гелара обещала брату кормить его белок, живших в хвойном парке у дома, заботиться о его любимой лошади, а Гаю, что никогда не нанесет ущерба его дому во время своих будущих визитов и все еще продолжала восхищаться ванной джакузи и душем водопадом, принадлежащими Эрмиру. Аодари благодарила за кофе, пирожные и фрукты, за гостеприимство и разговор.

Гай удивился, как привычно и открыто она обнимает своих детей. Слухи твердили, что в чистокровных семьях это было не принято, но, видимо, не во всех.

Когда за гостями закрылась дверь, Эрмир рухнул на диван, откинувшись на спинку, закрыл глаза и проговорил:

— Я остался жив для них, представляешь? Мама и Гелара не отказались от родства со мной…

— Тебе точно надо в Сайнз, — вздохнул Гай, — с дерьмищем в твоей голове нужно както бороться.

Эрмир счастливо улыбнулся, не открывая глаз.

— Я научусь думать как ты, но мне нужно время.

— У тебя его много, — и тут же сменил тему, — Ну, что? Разобрал вещи, которые тебе принесли? На каток идем?

— Я боюсь лезть в тот мешок, — признался Эрмир, садясь на диване ровнее, — глупо, знаю. Лучше после катка…

— Тащи сюда. Я хочу глянуть, что там такое, что имело смысл тебе возвращать. Сомнительно, чтобы дело было в тряпках, Нирдэр знает, что этого добра у тебя будет куча.

— Откуда? — удивился Эрмир.

— Он знает, сколько стоят тряпки, в которых ты был на Совете. Если тебе перепали они, то уж на обычное барахло я скупиться явно не стану. Тащи сюда этот мешок, — повторил он, — Я лишу тебя приватности, понимаю, но извини. Я почему-то жду какой-то подвох от твоего папани.

Эрмир не стал спорить, сходил в комнату и вернулся с мешком-шопером. С такими обычно ходили за покупками. Естественно, все вещи были уменьшены в несколько раз. Гай вытряхнул все содержимое на диван и увеличил одним движением руки до нормального размера.

Действительно, минимум одежды, летние ботинки и зимние сапоги, цветные свечи, карандаши и мелки, альбомы с рисунками, несколько книг, малахитовая фигурка черепахи в коробке-шкатулке, настольные часы-карандашница и увесистый мешок ашинов с вложенной в него запиской.

Эрмир прочитал ее и тут же протянул Гаю, стремительно бледнея на глазах. Гай с трудом разобрал забористый мелкий почерк.

«Я вернул тебе все твои вещи, кроме оружия. Я считаю, что ты недостоин его и не могу позволить, чтобы передаваемые из поколения в поколение реликвии остались в руках опозорившего себя и мой клан изгоя. Однако, оно было твоим по праву, потому ты должен получить компенсацию. Три тысячи ашинов, считаю, достаточным. Я не желаю видеть тебя никогда. Прощай.»

— Забери их, — прошептал Эрмир, — Я не хочу…

Гай притянул его к себе и крепко обнял. И плотину прорвало. Эрмир зарыдал в голос, уткнувшись в его плечо, рубашка и жилет Гая моментально промокли от слез. Хоть его ученик и был практически одного роста с ним, он был обычным подростком.

— Вот чего-то подобного я и боялся, — буркнул Гай, — Сейчас ты этого не понимаешь, но это с его стороны попытка тебе помочь. Не в Калантаке на эти деньги легко устроиться и жить без проблем приличное время, открыть лавку или купить дом. На эти деньги можно проучиться в любой не столичной школе полный курс. Никакое оружие столько не стоит.

— Я не хочу, — хлюпнул Эрмир вцепившись в его рубашку на плечах, — Не хочу!

— Не надо, не хочешь, не надо, все, тшш…

Гай чувствовал как пару минут до этого ледяные руки парня теплеют. Эрмир же вдруг понял, что вокруг него не просто ореол тепла, а самая настоящая магия, с потрясающей легкостью сжигающая его боль, тоску, злость на себя, мысли о смерти. Это тепло дарило веру в собственные силы и надежду на лучшие времена. Дышать стало легче, тьма отпустила его. Он никогда не слышал о такой магии

— Гай, кто ты? — спросил он, отцепившись от него и пристально глядя в глаза наставника, в которых были видны отсветы настоящего пламени.

Тот тяжело вздохнул и усмехнулся, морок развеялся.

— Если я отвечу, тебе придется жить с этой тайной долгие годы.

— Я сохраню ее и ценой своей жизни…

— Гаитоэрант.

Эрмир моргнул. Как и все в Алаутаре, он знал историю о том, как в их мир пришла его создательница — Великое Море, госпожа Солеа, в компании царря Изначального мира, Великого Ветра Кэрсо-Ласа и Великого Огня Гаитоэранта.

Великие Стихии — вечные, бессмертные создания, которых невозможно убить, которые никогда не постареют, потому как законы живого мира не властны над ними вовсе, зато сами они могут уничтожить один или сотню миров просто собой.

— Я — джин. Воплощение Гаитоэранта в смертном теле бедняги Гаридаля. Марина, для вас для всех Солеа, не исцелила его, она позвала в его тело меня, — спокойно пояснил Гай, стирая слезы с его щек, — Я Гай, которого ты знаешь, и хочу оставаться Гаем, понял? И не выкай мне ни в коем случае.

Эрмир осторожно кивнул. Пазл в его голове сложился. Это объясняло все, у него не осталось вопросов.

— Я сохраню твою тайну.

— Ну и славно, — совсем другим тоном заговорил Гай, хлопнув его по плечу, отпустил и кивнул на заваленный диван, — давай уберем все это в твою берлогу и пойдем уже на каток.

Эрмир вдруг осознал, что совершенно успокоился, написанное отцом отболело, будто он прочитал эту записку много лет назад. Однако мешок с ашинами все же себе не оставил, вручил Гаю и, собрав в кучу одежду, понес к себе в комнату. Гай, также ни слова не говоря, отнес мешок в свой кабинет, уменьшил и спрятал в «сейф» — макалитовую шкатулку на собственном столе. Макалит был столь тяжелым металлом, что только крышка шкатулки весила около 30 килограмм. Магией открыть было легко, без нее невозможно, поскольку шкатулка была еще

и зачарована. Только имеющие право применять магию в доме могли открыть ее. По сути — толпа, по факту никто из этих счастливчиков не стал бы лезть в этот сейф без особой просьбы хозяина дома.

* * *

Дни утекали словно вода сквозь пальцы. Подошел к концу самый мрачный и холодный месяц зимы Кодс и незаметно пролетел не менее холодный, но все же более светлый месяц Дарьбо. По ночам стояли трескучие морозы.

В доме Гая, вопреки традиции северных земель Алаутара, стекла на зиму не менялись, поскольку все были укреплены кровью батъёри, точнее, специальным составом на основе крови Ордъёраина и Агелара, которым покрывались стекла раз в 40—50 лет.

Эрмир лишь недавно узнавший, что это возможно, мог часами сидеть у своих огромных окон, вперившись взглядом в однообразный пейзаж за ними. Так он отдыхал от кружащего его калейдоскопа впечатлений и событий. Их было слишком много, он не успевал должным образом осмысливать и реагировать на все. Жаловаться он не собирался и никогда бы не отказался от того, что происходило с ним сейчас, но чувствовал, что теряется в этом круговороте окончательно и бесповоротно, попутно теряя какую-то часть себя. Ту, что все еще цеплялась за прошлое, привычное и понятное, ранее казавшееся единственно возможным.

Теперь Гай таскал его с собой. В Сатбор, Ребдмер, по кофейням, необычным магазинам, иллюзионам и знакомым. Эрмир даже побывал в Лаукаре, увидел янтарный город, искупался в теплом море, попробовал кататься на доске по волнам, объелся странной ягоды клубники, познакомился ближе с Арикардой и ее супругом Дарком, у которых Гай его «забыл», чтобы все же сделать и обустроить вместе с Мальшардом склады и производство хоррора на давно приобретенной в портово — складской части пригорода Лаукара земле.

Дарк был воплощением Шторма и был способен вытащить из воздуха, что угодно, просто того захотев. Благодаря ему, Эрмир обзавелся странной, но удобной одеждой из другого мира, попробовал много необычной еды оттуда же, и научился делать газ-краску из рубинов и макалита. Дарк случайно навел его на мысль, что можно не ограничиваться только одним камнем, рассказывая о странных смертных мира, в котором он когда-то жил, которые красили волосы сразу в несколько цветов. Макалит и рубины Дарк тоже достал из пустоты, пошарив в заброшенном и давно обвалившемся руднике на Скалистом острове.

Услышав, что Эрмир может запросто сделать газ из металла и камня «прямо сейчас», но боится, как бы потом это все «не полетело не туда», Дарк накрыл его защитным куполом, а Арикарда добавила свой огненный к нему. В итоге из Лаукара Эрмир вернулся с несколькими черными, отливающими кроваво-рубиновым цветом прядями. Увидев его через несколько часов Гай смеялся, Мальшард же даже не пытался скрыть шока, но, привыкнув, согласился, что это «необычно и даже, возможно, красиво».

Арикарде и Дарку все понравилось, хоть они и не считали, что подобная мода может прижиться среди ведьмаков.

Гай заявил, что просто нужно время, «пара тысяч лет и приживется, как миленькая». Примерно тоже самое сказали Кайлин и Ордъёраин, в гостях у которых Эрмир побывал тремя днями позже.

Их дом его просто поразил. Он был невероятно большим и красивым. Познакомился он и с говорящим лисом Эфирного леса Бартом. Все лисы Эфирного леса обладали высоким сознанием и жили на острове Волрклара, только Барт пожелал жить на материке, в доме Кайлин и Ордъёраина.

Барт знал абсолютно все и, как сказал Гай: — «они нашли друг друга». Более четырех часов Эрмир расспрашивал лиса обо всем подряд и тот, нисколько тем не тяготясь, рассказывал ему о природе магнитного разлома на материке Шард, о соленых озерах Арвира, дымных землетрясениях и радужных ветрах Утаира. Потом они вовсе удалились в гостиную первого

этажа, где стояло огромное трехстворчатое зеркало, способное показать любой уголок Алаутара. Барт умел настраивать изображения, в его крови текла та же магия, что лежала в основе материала, из которого было создано зеркало — магия Эфира. В этот вечер Эрмир смог увидеть собственными глазами, все то, о чем говорил Барт.

В это время Гай этажом выше обсуждал с друзьями свой новый статус и свои тревоги по этому поводу.

Почему-то никто не удивлялся тому, что он быстро вошел в новую для себя роль и не тяготился появлением в своей жизни подростка. Сам-то он от себя такого совершенно не ожидал.

— Я давно говорю, что ты станешь отличным верховным магистром своей будущей школы, — смеялся Ордъёраин.

— И чему я буду учить молодое поколение? Красить волосы, обрастать тряпками с невиданной скоростью, жрать как не в себя клубнику и десерты и совращать девчонок старше них самих?

— Это была бы лучшая школа для многих ведьмаков пальори, особенно мужчин, — совершенно серьезно ответил также присутствовавший за столом Кадъераин, — в 20—25 лет они дорываются до всех недоступных им ранее благ и удовольствий и, ты правильно сказал, начинают наверстывать «как не в себя». Это часто кончается скверно — драки, увечья, проигранные в карты состояния, долги и кабальные условия их выплаты, самоубийства, убийства и преступления страсти. Пальори магам чуть проще, их отдают в магические школы и они входят в самостоятельную жизнь постепенно. Нет такого, что сегодня ничего нельзя, все за тебя решают взрослые и умные главы кланов, а завтра выясняется, что можно все, но ты почти ничего не знаешь о реальном мире.

— Хорошо, что у твоего подавана это наверстывание идет через скупку одежды и сладостей, это такая ерунда, не вижу в этом проблемы. Ты отличный наставник, — улыбнулась Кайлин, — А волосы… Одно время было популярно красить волосы, все этим поголовно занимались, кроме ведьмаков, кстати. Их волосы, действительно, ничего не берет. Твой подаван, возможно, обогатится со временем на красках для ведьмацких волос.

— А пока живая реклама по городу будет шататься, — добавила Света.

— Может, мне тоже во что-то перекраситься? — задумался Дамард, который хоть и был аркельдом, волосы имел самые что ни на есть ведьмацкие — густые, белые и неподдающиеся окрашиванию стандартными красителями.

— Не надо, — хором ответили Гай, Светлана и Ордъёраин.

— Если ты это сделаешь, дети с их альбомами знаменитостей немедленно последуют твоему примеру, — смеясь, пояснил его отец, — Я не готов собирать Совет, посвященный проблеме массового облысения и отравления среди детей и подростков. Мало ли чем они решат выкраситься.

— Ты думаешь, мой подаван может облезть от своих экспериментов? — насторожился Гай.

— Он точно нет, — успокоила его Кайлин, — он контролирует эту краску, она продолжение его магии, он не может отравиться или причинить себе вред собственной магией, как ты не можешь сгореть и даже опалить свои волосы. А вот остальные не факт. Все же шестеро работников рудника только пару дней как восстановились, надышавшись этим красящим дымом.

— Арикарда сожгла лишний газ, когда он выкрасился в последний раз, — заметил Гай, — эта фигня отлично горит.

— Арикарда — Огненный Смерч, у нее все сгорит. Нас таких, способных сжечь что угодно не так много, — улыбнулся Ордъёраин, — повременим пока с популяризацией красок для ведьмацких волос на основе макалита.

Эрмир в это время слушал «как не в себя» о природе возникновения долины Танцующих Камней, жизни на земле Хахад и на некоторых островах архипелага Калидар, населенных преимущественно калатари, о странных блюдах, популярных на материке Шард, сортах чая, появившегося в Алаутаре с возвращением хорро Микхеля и о многом другом. Мир был огромен и потрясающе интересен, прежде он не предполагал насколько.

Гай жил иначе, чем кто-либо из тех, о ком он слышал в родительском доме. Узнав в том, кто он есть, Эрмир этому не удивлялся. Гаю можно все, что угодно. К нему приходили на ночь разные женщины, ближе к полуночи, когда Эрмир уходил к себе. Иногда Гай уходил на ночь сам. Два дня подряд Эрмир заставал в столовой утром девушек. В один день Аланэй, в другой Шартабэль-Деми. Обе красивые и бесконечно разные. Гай не хотел, чтобы его девушки знали слишком много, потому лишь представил им Эрмира и более ничего о нем не сказал. Отношения без обязательств требовали определенной закрытости друг перед другом.

— Друг о друге следует знать лишь то, что делает ваши веселые ночи еще веселее, — объяснил Гай, когда Эрмир спросил его как-то вечером о том, как поддерживать отношения без обязательств, — Главное, чтобы тобой были довольны в спальне, тогда отношения без обязательств будут длиться много-много лет, не обрастая обязательствами, вплоть до замужества девушки, а если в ее брачном договоре не будет прописан запрет на отношения телесной близости с другими мужчинами, то и после.

— И вы не разговаривает? — удивился Эрмир.

— Конечно, разговариваем. О всяком неважном, веселом и ситуативном: музыке, городских новостях, кто что ел, где учился…

— А если это важно для меня? — вздохнул парень, глядя на пляшущее в пустом камине пламя.

— Ты просто очень молод. Для тебя кажется важным все, это нормально. Если решишь попробовать встречаться с девчонкой, выбирай тех, кто старше, они не позволят тебе слишком привязаться к себе и сами не будут в том заинтересованы, — посоветовал Гай.

— А если я захочу привязаться к кому-то?

— У тебя одно сердце. Его надо беречь, — грустно усмехнулся наставник, — Влюбленность это мимолетное прекрасное чувство, но если чувства будут глубоки, тебе придется жить с ними вечность, как и с болью, что они таят в себе.

Эрмир вздрогнул, посмотрел на него и не решился спросить того, о чем подумал. Гай ответил сам.

— Да. Ты прав. Не повторяй моей глупости, не впускай женщину слишком глубоко в свое сердце.

— Не влюбляться? Совсем никогда?

— Влюбляться можно и нужно. Нельзя сосредотачиваться на одной влюбленности, нельзя позволять влюбленности перерастать в любовь всей жизни. Хотя бы первые сто лет, — усмехнулся Гай, — Есть еще одна сторона этой руны — любовь к одной единственной женщине охраняет твое сердце от чувств ко всем прочим, даже от прекрасной мимолетной влюбленности. Это броня и тяжкий жребий. Лучше для сильных и долгоиграющих чувств выбирать тех, кто тебе подходит, в твоем случае, воплощение Стихии. Мало ли, может, лет через сто еще кто-то такой объявится. Терять любимых или просто не быть с ними очень больно. Отношения без обязательств это лекарство и средство не вляпаться в новые большие чувства.

Эрмир долго размышлял над этим разговором и так и не смог решить, хотел бы он также легко увлекать разных женщин или быть с одной единственной всю жизнь. Ему нравились оба варианта, но по-разному. Первый очень хотелось попробовать, как ледяную пыль, второй ассоциировался с реальным счастьем, хрупким как стекло.

Его уже не смущала идея завести короткий роман без обязательств с девушкой. Это было очень интересно и обещало много впечатлений. Он не знал как.

В Алаутаре никто не делал для детей тайны из отношений мужчины и женщины, в том числе интимных. Все к десяти годам знали, что происходит в родительских спальнях, а также то, что это дело только двоих, все должно там происходить по обоюдному согласию и говорить об этой стороне жизни других и вмешиваться в чужой приват — верх неприличия. В детских немагических школах открыто учили тому, что от союза калатари и ведьмака рождаются аркельды, также они рождаются от союза двух аркельдов, но сколько бы поколений не отмерил аркельдский род, стоит аркельду сочетаться браком с представителем истинной расы (калатари и ведьмаки) дети будут представителями истинной расы тоже, как если бы калатари или ведьмаками были оба родителя. Только союз ведьмаков пальори и марбо таил сюрпризы. Их дети имели одинаковые шансы родиться марбо или пальори. Также именно в немагических школах учили важности чтить личные границы и соблюдать своеобразный спальный этикет. Все же в Алаутаре бок о бок жили представители нескольких отличающихся друг от друга рас смертных с высоким сознанием, знать, что от кого можно ожидать в «приватной жизни» и считаться с этим, полагалось необходимым. Эта наука всем от мала до велика казалась столь же тривиальной, как умение складывать и умножать числа или знания о природных явлениях, растениях и животных.

Мало кто начинал сексуальную или, как здесь говорили, приватную жизнь до 17—20 лет. До достижения возраста первой силы (15 лет) отношения телесной близости считались наносящими долговременный, тяжелый, неочевидный и трудноустранимый вред здоровью физическому и ментальному, потому считались тяжким преступлением, одним из трех, за которые полагалась обязательная смертная казнь. Убийство при определенных обстоятельствах могли оправдать, даже преднамеренное, как и доведение до самоубийства, тяжелый физический вред здоровью, грабеж и тд. Но не телесную близость с детьми, преступление страсти (сексуальное насилие, устранение соперника или соперницы или принуждение к сожительству), повлекшее вред здоровью, смерть или самоубийство жертвы и намеренное причинение магического вреда, после которого жертва оказывалась в Хоррате — приюте больных и навсегда безумных. За это казнили в любом уголке Алаутара. Впрочем, если преступления страсти не были экзотикой, то такие преступления как намеренное доведение до Хоррата и приватные отношения с детьми случались раз в тысячелетие, а, может, и реже. Сами подростки не считали возможным для себя начало приватной жизни до 15 лет. Любовь любовью, а здоровье важнее, жизнь длинная, куда торопиться. Взрослым же было дико даже от подобной мысли.

Интерес Эрмира к девчонкам до «ухода из дома» носил исключительно гипотетический характер. Теперь, когда он понял, что это возможно для него в реальности, он растерялся. Ему нравились недоступные красивые женщины вроде Арикарды и Светланы, но о них он даже думать не посмел бы в таком ключе, а тех, кто был бы старше него, но мог бы обратить на него внимание, он не знал. Потому старался не заострять внимание на этом.

В последний день месяца Дарьбо, Гай потащил его в школу Сайнз на встречу с верховным магистром. Набор в эту магическую школу открывался во второй день месяца Мьёрл. Гай считал возможным за месяц подготовить его к поступлению, если бы самого факта, что у восемнадцатилетнего воплощения Мертвого Ветра легко получаются все заклинания до 15 уровня, оказалось бы недостаточно. У Эрмира были проблемы только с огненными заклинаниями, которые сложно было объяснить нестабильностью подросткового потенциала. Ни огненный щит, ни заклинания «белый огонь» или «чудрир», ни простая «спичка» — заклинание 5 уровня сложности, при помощи которого зажигали свечи и факелы не получались. Эрмир боялся огня, боялся, что сожжет в обычном или белом пламени не только, что хотел, но и пару кварталов в придачу, в итоге его потенциал гасил заклинания прежде, чем они имели шанс получиться.

Гай считал, что проблема «насосана из пальца», но не требовал ее немедленно устранить, мол не получается и ладно, когда-нибудь получится.

Школа Сайнз располагалась почти в пригороде, близко к ребдмерскому тракту и представляла собой четыре восьмиэтажных здания, соединенных балконами третьих и восьмых этажей, образующих замкнутый квадрат.

Самое близкое к городу и тракту здание было Библиотекой Всеобщих Знаний. Оно имело два парадных входа — один со стороны дороги, идущей из Калантака и выходящей на тракт, для всех; другой со «двора» школы для учащихся и преподавателей.

Еще одно здание было студенческим «общежитием», где были квартиры для иногородних молодых магов, там же располагались комнаты для самостоятельной отработки заклинаний и внеклассных занятий и «студенческая столовая» — занимавшая почти весь первый этаж таверна, с незамысловатым меню и с провинциально низкими ценами. Поварами и официантами здесь подрабатывали студенты.

Два оставшихся здания были «учебными корпусами».

В Сайнз готовили художников, танцоров, актеров, музыкантов, режиссеров, драматургов, писателей и поэтов, певцов, кулинаров и кондитеров, организаторов праздников, исследователей древностей и мира, педагогов, будущих основателей собственных школ всех мастей и направлений, правителей городов, а также хранителей знаний — библиотекарей, историков, географов, социологов и энциклопедистов.

Верховным магистром Сайнз ныне была госпожа Мирада-Яр, семисотлетняя ведьмачка марбо, являвшаяся живым доказательством несостоятельности стереотипа о том, что магия ведьмаков марбо уступает магии пальори. Тем же Нирдэру и Аодари не грозило дожить до семисот лет. Старость Мирада-Яр была от нее еще далеко. Она была полна сил и энергии, хоть мало кто, глядя в ее серо-синие, казалось, видевшие все на свете, лукавые и немного усталые глаза, заподозрил бы ее в молодости и наивности. Она выглядела как ведьмачка марбо средних лет, изящная, не слишком высокая, миловидная, не скрывающая, что богата и влиятельна. О Мирада-Яр ходила слава беспощадного критика всех развлекательных заведений, театральных постановок и новомодных таверн. Ее часто пытались задобрить заранее, присылая ей приглашения и подарки. И многим это удавалось. Мирада-Яр сделала себе состояние на заведениях, которые обошла своим вниманием.

Орвира вела в Сайнз курс танцев. Именно благодаря ей, удалось легко и быстро договориться о встречи с верховным магистром школы.

Пока Гай и Эрмир летели до Сайнз, все было в порядке, стоило приземлиться посредине школьного двора, точнее, целого парка с заснеженными клумбами, фонтанами, беседками и лавками-качелями, Эрмир задергался.

— Прекрати, — усмехнулся Гай, глядя на своего побледневшего ученика, — повода нервничать просто нет.

— Как это нет? Вдруг и в Сайнз меня не возьмут, — буркнул тот.

— Тебе сюда не то чтобы прямо надо. Воплощениям Стихий не рекомендуют проходить полные курсы в магических школах, это бессмысленно для них, — спокойно ответил Гай, пока они шли к облицованному аметистом учебному зданию, где располагался кабинет верховного магистра (второе учебное здание было облицовано лазуритом, библиотека сапфиром, а студенческое — простой голубой плиткой.), — Тебе просто полезна учеба тут, общение со сверстниками, возможность побыть в среде простых смертных, пусть даже сильных магов. Даже если тебя не возьмут, не страшно, мне просто придется чаще тебя таскать на каток и прочие подростковые злачные места.

Эрмир криво улыбнулся и вздохнул.

— Мне не хочется думать, что я нигде не гожусь.

— Ай, мать моя женщина, терпения мне, — фыркнул Гай на языке Внутреннего Поля.

— Мне сделать вид, что я не понял? — уточнил Эрмир.

Гай засмеялся.

Внутри школа Сайнз не блистала особой роскошью, кроме корпуса библиотеки. Там можно было часами ходить, любуясь картинами, фресками и светильниками.

Мирада-Яр заставила их ждать ровно до назначенного времени, до половины второго, всего десять минут, но их хватило, чтобы Эрмир накрутил себя еще больше. Наконец, помощник магистра, то ли секретарь, то ли магистр рангом пониже — седой аркельд в темно-синей мантии пригласил их пройти в кабинет начальницы.

— Приветствую, господа, прошу, — Мирада-Яр встала им навстречу из-за широкого полированного стола цвета вишни.

Ее кабинет был оформлен в бело-вишневых тонах, сама она был одета в пурпурно-красную мантию, расшитую золотыми стразами. В какую-то секунду ее взгляд скользнул по Эрмиру и она не сдержала удивленного возгласа:

— Госпожа Орвира говорила, что мальчик пальори…

Эрмир также удивленно уставился на нее, даже забыл как нервничать.

— Волосы, — тут же пояснила верховный магистр и еще пристальней посмотрела на него, — и все остальное тоже. Простите мне мой интерес, как такое возможно?

— Он воплощение Мертвого Ветра, — лукаво улыбнулся Гай, — Стихии сами выбирают, как будут выглядеть их сосуды.

— Я бы подумала, он аркельд. Да, безусловно, с огромной примесью ведьмацкой крови пальори, но аркельд. Располагайтесь, как вам удобно.

Если у нее и было вначале желание произвести впечатление большого начальства, оно быстро прошло.

— Это краска из макалита и рубина. На волосах, — скомкано пояснил Эрмир, — от природы они все белые, как у любого ведьмака.

— Очень интересное решение, — кивнула Мирада-Яр и заставила себя перевести взгляд с парня на Гая, — господин Гай, я слышала о вас. Вы создали хоррор. В Крамбль тоже могут научить чему-то полезному. Однако главные ваши таланты явно природные.

Гай слегка поклонился, лукавая улыбка тронула его губы.

— Я хотел бы понять, что надо сделать, чтобы этот юный маг оказался в числе студентов вашей школы?

— Вы правильно формулируете вопросы, — сверкнула белоснежной вампирской улыбкой Мирада-Яр (у всех ведьмаков, независимо от касты, клыки были слегка удлинены и заострены на концах).

Эрмир удивленно посмотрел сначала на одного, потом на другую, он чувствовал, что им весело, оба от души развлекаются и при этом говорят о чем-то своем.

— Хорошо, я дам ответ прямо сейчас, — кивнула Мирада-Яр, вновь посмотрев на Эрмира, — Скажите мне, есть ли место в Алаутаре, которое вам хотелось бы посетить и почему?

— О, их много, — растерялся тот, — Конечно, я хочу еще раз в Лаукар, потому что там клубника, море, серфинг и тепло. Потом я хочу побывать в Шардраше, потому что там делают странную еду из водорослей, рыбы и чая, в Армарле хочу увидеть единорогов близко от себя.

Мирада-Яр внимательно вглядывалась в его лицо, чуть хмурясь.

— Отлично. Теперь скажите, чтобы вы выбрали делать следующую неделю, если бы могли делать, что угодно и где угодно, перемещаясь по миру одним желанием без каких-либо затрат.

Эрмир думал не долго.

— Точно бы какое-то время провел бы на катке, в Лаукаре еще немного поучился бы серфингу, читал бы. У меня есть две новые книги, до которых у меня не доходят руки. Сходил бы в «Кофе И Книги» с сестрой и мамой, я как раз должен с ними встретиться на этой неделе, пошел бы в Лакшори поиграть на рояле, наш нам доставят только через пару недель, побывал

бы в Армарле точно, там праздник начала весны всю следующую неделю, там уже тепло и цветет миндаль, я хочу на это посмотреть.

— Чтобы вы выбрали, признание и успех или комфорт и независимость в тени?

— Конечно, комфорт в тени, зачем мне успех? — удивился Эрмир.

Мирада-Яр улыбнулась и обернулась к Гаю.

— Я возьму его в качестве вольного слушателя, полагаю, большего не нужно ни ему, ни вам. Он сможет выбрать любые интересные ему курсы. Испытания знаний в его случае будут формальностью.

— Я целиком удовлетворен, — вновь лукаво усмехнулся Гай.

— Ваше удовлетворение может быть более полным. И вам тоже еще есть что мне предложить, — в тон ему загадочно напомнила верховный магистр, вернувшись за собственный стол.

— Я целиком и полностью к вашим услугам, — заверил ее Гай, вставая с дивана, — Я слышал, вам нравится Лакшори? Можем встретиться и обсудить в любое удобное вам время.

— Незачем тянуть. Сегодня в десять?

— Я буду с нетерпением ждать, — Гай поклонился.

Эрмир вскочил со своего места и тоже последовал его примеру.

— Рада была познакомиться, — она вновь вошла в образ верховного магистра, ее тон стал нейтрально холодным.

Однако Эрмир точно знал, ей любопытно, весело и она, в отличие от Гая, действительно с нетерпением ждет с ним встречи. Гаю то как раз было все равно, он был спокоен и доволен, это был его обычный фон настроения, даже когда он ворчал и ругался странными фразами.

— Что госпожа Мирада-Яр хочет от тебя? — все-таки спросил Эрмир, когда они спустились на первый этаж.

Гай вытащил из кармана и увеличил свой плащ и накидку Эрмира, вручил ему.

— Все тебе расскажи. Ничего особенного по сути, ей любопытно узнать чуть больше о тебе, хочется выпить и развлечься, только и всего.

— А что со мной не так? — вновь насторожился парень.

— Ты до безобразия похож на ведьмака батъёри. В Алаутаре только Ордъёраин и Агелар выглядят как батъёри, еще Карин, но она не в счет. Все знают, что они батъёри и как бы на этом все. Их редко кто видит не на картинках. Ты, хоть еще и очень молод, больше похож на них, чем на пальори. Да, ты еще чуть вырастешь, окрепнешь и вас будет не отличить. Марбо другие, сам знаешь, с марбо тебя не перепутать, ты уже чуть выше и шире в плечах многих из них, но в качестве пальори, ты мелковат и у тебя почти калатарийские черты лица, — пожал плечами Гай, — Мирада-Яр решила что ты сын от временного союза кого-то из двух батъёри Верховного Совета.

— Разве такое возможно? — ахнул Эрмир.

— Разумеется, нет, твои родители чистокровные пальори абсолютно точно, — поспешил успокоить его Гай, цапнув привычно за локоть, потянул на выход.

В вестибюль высыпали студенты, видимо, закончилось занятие. Они вышли из здания. С севера задул ветер, вновь повалил снег.

— Да провались ты! — скривился Гай и обернулся к своему ученику, — Давай, ты научишься перемещаться одним желанием как можно скорее. Все же ты маг Воды тоже, может, получится.

— Как?

— Ну, в теории надо представить хорошо знакомое место, где ты хочешь оказаться, направить туда все свои устремления и мысленно зафиксировать словом «шаг», — Гай вытащил из кармана кошель, отсчитал двадцать ашинов и вручил ему, — Давай, начинай учиться прямо сейчас, захоти оказаться у нашего дома. Я не хочу лететь через пургу.

Эрмир растеряно заморгал.

— А вдруг не получится?

— Ну, тогда придется морозить сопли, что поделать, но будем оптимистами. Двадцать ашинов должно хватить.

Ашины помогали в заклинаниях, усиливая умения и потенциал мага.

Гай крепко держал его за локоть, пока он старательно сосредотачивался на картинке: Круг Магов, вековые деревья вокруг него, болотно-зеленая плита хазалита у входа, дорога, двухэтажный дом Гая, ассоциирующийся у него с покоем и безопасностью. Из руки Эрмира, сжимавшей монеты, потек золотой свет. В следующую минуту он растянулся на дороге, следом на него свалился Гай, больно ударив локтем по затылку, протяжно застонал и настолько грязно выругался, что Эрмир не поверил собственным ушам. Правда, наставник тут же добавил совершенно спокойно:

— Ну, с другой стороны, все получилось…

Эрмир огляделся по сторонам, они действительно были около дома, в двух шагах от крыльца, Эрмир поспешил подняться, однако Гай продолжал скрючившись лежать на боку, сжимая в руках колено.

— Сходи, пожалуйста к Эвару, скажи Данике, что я разбил коленную чашечку, — попросил он.

— Как же так… — еле слышно выговорил парень. — ты уверен? Что теперь будет?

Он уже и сам чувствовал по состоянию Гая, насколько плохи дела.

— Я не хотел… Давай помогу, не опирайся на эту ногу, на меня лучше…

Гай с трудом поднялся и с еще большим доковылял до дивана.

— Не дергайся, — еле переводя дыхание от боли, выговорил он, стягивая с себя плащ, — Иди к Эвару…

— Гай..

— Нормально все будет, я просто отвык от таких прелестей смертного жизни.

Эрмир вдруг обнаружил что по-прежнему сжимает в руке шестнадцать ашинов, высыпал их на кофейный столик.

— Ну, неплохо, неплохо, — прокряхтел Гай, — блестяще для первого раза, можно сказать.

— Ты издеваешься? — нервно усмехнулся парень, голос предательски дрогнул.

— Все, вали за лекарем! Хватит болтать! — грозно рявкнул на него наставник.

Эрмир знал наверняка, что тот ничуть не сердится и все же опрометью кинулся в соседний дом.

* * *

— Гай, ну кто так делает? — спустя полчаса выговаривала ему Даника, затягивая на его колене лечебный корсет поверх густого слоя плотной желеподобной повязки с восстанавливающим живые ткани лекарством, — Перемещаться учат, начиная с расстояния до десяти шагов, а ты заставил его в первый раз половину города, да с грузом в виде тебя преодолеть.

— Мне показалось, он в последний миг стал реальным ветром, плотность потерялась, я как будто держал пустоту.

— Удивительно, что вы насмерть не разбились оба, — вздохнула Даника, — он с его спецификой потенциала мог материализоваться в десятке метров над землей, у него же нет навыка правильного «шага», — она закончила с корсетом, соединила заклинанием края разрезанной штанины Гая и вручила ему круглую желтую таблетку, — рассоси до конца, это снимет боль.

Гай покорно положил таблетку в рот.

— Какой же я болван, — в который раз горестно вздохнул Эрмир, сидевший в соседнем кресле с приложенным к затылку ледяным компрессом.

— Это он болван, а не ты, — Даника красноречиво указала на своего пациента, — обучать заклинанию, о котором почти ничего не знаешь, подростка с нестабильным потенциалом на ходу, только потому что лень лететь домой своим ходом? Это — верх легкомыслия.

— Ну, научил же. С первого раза, считай, — беззлобно огрызнулся Гай, — это сколько бы времени было потеряно, пока он прыгал бы на десять шагов, а так мы точно наем, что четыре ашина ему хватает на приличное расстояние.

— Бесполезно, — покачала головой Даника и улыбнулась, — Мозгов нет, считай калека.

Гай заржал в голос, услышав фразу Внутреннего Поля, переведенную на пардэн.

— Без мозга точно калека, — согласился Эрмир, — но его мозг вроде бы не пострадал.

— Он забывает, что он у него есть порой, — улыбнулась Даника.

— И что голова дана не только, чтобы в нее есть, — поддержал ее Гай, — наш домовой должен был приготовить обед к этому часу, давайте, поедим.

За обедом Даника рассказала, что Эвара рано утром забрал Волрклар, поскольку в Алаутар прибыл очередной хорро Элвис из мира, очень похожего на Внутреннее Поле, но все же не оттуда. Теперь Айре и Эвару предстояло объяснить новому пришельцу, куда он попал и решить, как лучше его устроить и быстрее адаптировать к жизни в истинном для всех хорро мире.

Хорро — были самой малочисленной расой Алаутара, всего двести два создания. В незапамятные времена они ушли в другие миры и лишь двадцать лет назад стали постепенно возвращаться домой. Сто тридцать семь, включая Элвиса, вернулись, еще двоих призвали, сделав своими детьми хорро, уже вернувшиеся и нашедшие себе партнера в Алаутаре, остальные все еще скитались где-то в других мирах.

Слушая эти разговоры, Эрмир немного пришел в себя, шишка, оставленная на его затылке Гаем при падении, уже не болела. Сам Гай также выглядел бодрым и даже не собирался отказываться от встречи с Мирада-Яр в десять вечера. Даника не пыталась возражать, зная, что это бесполезно, просила только воздержаться от перемещения одним желанием в компании все еще «не освоившего в должной мере этот магический прием» Эрмира.

Эрмир вызвался сходить за Мальшардом, чтобы тот проводил «калеку на свидание». Однако ему не пришлось никуда идти. Едва Даника ушла домой, посреди гостиной объявился Дамард с новостями, что в Алаутар прибыл «тот самый Элвис». Сам Дамард понятия не имел, что это значит, Эвар попросил передать это Гаю дословно. Гай отлично все понял и очень обрадовался.

— Возможно, скоро в Алаутаре появится новый музыкальный стиль, — объяснил он заинтригованным Эрмиру и Дамарду.

Остаток дня прошел тихо и спокойно. Эрмир читал, Гай дремал на диване в гостиной, на него все же подействовали обезболивающие и успокаивающие лекарства. Дамард задержался у них ненадолго, однако ближе к десяти вечера вернулся, чтобы доставить больного в ночной клуб.

Эрмир привычно выслушал, что ночью ему не следует «выходить, умирать или творить еще какую дичь».

— А так хотелось, — картинно вздохнул он, весьма правдоподобно изобразив интонацию Гая.

Дамард и Гай посмеялись и исчезли. Эрмир дочитал путеводитель Неферетэй по окрестностям Лаукара и собрался уже ложиться спать, но зачем-то застрял перед зеркалом в ванной комнате. Вдруг подумав, что сейчас бы отец, либо не узнал его, либо убедился, что «вовремя избавился от позора». Вспомнилась ему и реакция на него Мирада-Яр. То, что для нее казалось самым интригующим признаком силы, для отца всегда было «недостойным его сына».

«Если бы ты не был магом, ты был бы вовсе никчемным» — вновь зазвучал в голове его голос и сразу другая фраза, из другого дня: — «от твоей магии у всех только проблемы, ты вообще ходячая проблема».

Гай не считал его проблемой, хоть его ученик успел доставить ему их много и разных, и совершенно точно не считал его никчемным.

Кроваво-черный клок волос упал на лоб.

— Если меня будут принимать за аркельда или батъёри, я не стану больше никого разубеждать, — вслух решил Эрмир.

Въевшиеся в волосы частички макалитово-рубиновой смеси, послушные его воле, расползлись по незакрашенным прядям. Белых волос почти не осталось, только у самых корней и тонкие полоски, на которые не хватило «краски», потому как он хотел сохранить яркость цвета.

— Вот так лучше, — удовлетворенно вздохнул он, стараясь не думать, как отреагируют мать и сестра на его «новый образ».

Тем временем, Гай беседовал со своей новой знакомой за столиком на втором этаже клуба. Играла музыка, в бокалах плескалась «лаукарская сладость» у Мирада-Яр и «секс на пляже» — у Гая (тут этот коктейль назывался «веселая ночь Лаукара»). Мирада-Яр действительно заподозрила, что Эрмир сын Ордъёраина, потому как Агелар «слишком недавно женат». Однако, услышав историю об инциденте в руднике, сразу отбросила эту мысль. Гай опустил все подробности, включая имя настоящего отца Эрмира. Скрывать факт случившегося в руднике не имело смысла, сам по себе он для нее не значил ничего. Подобно всем сильным магам и будучи не понаслышке знакомой с проблемами подростковой нестабильности потенциала, она не видела «преступления» в действиях Эрмира в руднике. Однако, узнай она об этом из другого источника, наверняка, захотела бы использовать это знание в своих целях. Как и все марбо, Мирада-Яр обладала расчетливым, изворотливым умом и не считала зазорным добиваться влияния и богатства через манипуляции, социальные связи, неявный шантаж, женское кокетство.

Гай ей нравился, он это понимал и не имел ничего против. Если бы не так не вовремя разбитое колено, этот вечер непременно закончился бы в одной из комнат наверху, для «перебравших гостей». Она видела, насколько ему тяжело ходить, потому даже не пыталась намекать на «продолжение общения в приватной обстановке», зато с интересом слушала о его «педагогической системе», позволившей обучить юное дарование одному из сложнейших магических приемов «шаг» с первой попытки.

— Как вам его доверили? — засмеялась она, когда он закончил рассказ.

— Я могу иногда производить впечатление отвратительно многомудрого и многоопытного…

— Вы такой и есть, я не понимаю почему это так, но, поскольку хочу оставить наши отношения приятно необязывающими, никогда не стану пытаться понять вовсе.

Гай улыбнулся и кивнул.

— Давайте выпьем за наше многообещающее приятно необязывающее знакомство, — предложил он в ответ.

Мирада-Яр с удовольствием согласилась.

Глава 3

Желая спокойно отлежаться пару дней, Гай в первый день месяца Фаст спровадил своего ученика в Армарль на праздник цветущего миндаля в сопровождении собиравшихся туда Агелара и Малики.

Малика очень любила этот праздник. Она и Агелар, не задумываясь, согласились показать Эрмиру «столицу калатарийской земли» — самый крупный город на земле Хахад, где жили преимущественно калатари.

Забирая Эрмира из гостиной его дома, Агелар и Малика уже знали о «педагогическом подвиге» Гая, но говорить, как он не прав, не стали.

Гай вручил своему ученику его карманные деньги на месяц. Эрмир себе не доверял, потому в Армарль взял с собой только 30 ашинов, остальное оставил у себя в комнате. Наконец, сборы были закончены и Гай остался один.

— Никому не открывай, подашь ужин в десять вечера. Не буди меня, — приказал он слуге, с наслаждением вытягиваясь на диване, — Считай, меня нет дома вообще, — зевнул он, достав из-под подушки и увеличив плед.

— Слушаюсь и повинуюсь, — с достоинством поклонился каро.

В это же время Эрмир с восторгом озирался по сторонам. Малика перенесла всех прямо на Главную площадь Армарля. Вокруг был город-лес, цветущий, украшенный цветными фонариками и лентами. Вокруг каждого дома был разбит сад, никаких заборов или широких мощенных камнем дорог, только тропинки фармарисовой плитки.

Главная площадь представляла собой каменистое плато, к которому вели со всех сторон лестницы. Посредине площади был устроен гигантский многоярусный фонтан, вокруг которого стояли лотки со сладостями, беседки причудливой формы и шесты с трепещущими на ветру цветными лентами. Солнце танцевало и искрилось в водяных брызгах, повсюду слышались песни и смех. Многие калатари подлетали к площади на крылатых лошадях — аклинахах и, спешиваясь, просто отпускали их бродить по зеленым лужайкам вокруг площади, а сами поднимались по лестницам на плато с фонтаном посредине.

— Ты снова покрасился? — спросил Агелар Эрмира, как только тот справился с первым шоком от увиденного и разжился стаканчиком с фруктовым льдом у ближайшего торгового лотка.

— Я просто заставил краску переползти на не закрашенные волосы, — беспечно отозвался тот. С утра ему уже пришлось рассказать о том же Гаю, потому он ожидал подобных вопросов.

Агелар с Маликой переглянулись. У Агелара на затылке была черная прядь, оставшаяся от давней травмы. Черные волосы росли на шраме. До недавнего времени он был единственным ведьмаком в Алаутаре с «цветной отметиной» и был совсем не против от нее избавиться.

— То есть, если бы ты захотел, ты мог бы заставить свою краску стряхнуться с твоих волос? — спросила Малика, также с удовольствием отправив в рот ложечку фруктового льда.

— Я не захочу, — заверил ее Эрмир, — если ее стряхивать так, сложно будет собрать и запечатать. Нет, если что, я ее соберу на отдельный клок и отрежу его, но мне не хочется, чтобы во мне сразу видели ведьмака.

Агелар и Малика вновь переглянулись и немедленно сменили тему, заговорив о популярных у калатари десертах. Эрмир был слишком поглощен окружающим, чтобы обратить внимание на сочувственные взгляды в свою сторону.

Его действительно принимали за аркельда все, с кем он познакомился и просто случайно заговорил за два дня путешествия в Армарль. Он увидел и сады миндаля и знаменитый водопад на окраине города с одноименным названием. Точнее, именно название водопада дало назва-

ние городу в незапамятные времена, увидел единорогов, свободно разгуливающих в парке у водопада и оценил особенности местных жилищ.

В гостинице, в которой они ночевали, посредине вестибюля росло раскидистое дерево и все здание было построено вокруг него, никак не мешая его дальнейшему росту и жизни.

В Армарле никого не удивляли сады на крышах, веревочные мосты вдоль ветвей, пронизывающих насквозь некоторые здания, по которым ходили в гости к соседям. Калатари умели с комфортом устроиться так, чтобы не наносить никакого урона окружающей природе.

На Земле Хахад ведьмаки не селились, их раздражали подобные ухищрения, а вот аркельдов было немало, однако все же с преобладанием калатарийской крови. Ведьмаки тут появлялись лишь по большим праздникам или по торговым делам. Армарль Эрмиру понравился, но к концу второго дня, вернувшись домой, он не смог не признать, что его утомило это путешествие.

— Слишком громко там, постоянно кто-то поет, что-то звенит, шуршит, шелестит, фыркает, ржет прямо под окнами… — поделился он за ужином с Гаем, два дня проспавшим в прямом и переносном смысле с перерывами на поесть.

Раздробленная кость мениска собралась и стала срастаться, однако и ей и связкам еще предстояло восстановиться. Он мог уже без боли ходить, но только при наличии повязки с лекарством, корсета и трости.

— Представляешь, в нашей гостинице, в четыре часа утра два пьяных калатари решили выяснить, кто из них лучший воин, — продолжал Эрмир, — Я проснулся от лязга мечей у себя под окнами, думал, происходит что-то плохое. Но они, как будто, играли. Они умелые воины, это было видно, даже до первой крови не дошло, закончили, как только один выбил у другого из рук меч. И что ты думаешь? Пошли пить дальше вместе, хоть один другого назвал очень нехорошим словом.

Гай засмеялся.

— Это нормально для калатари.

— Они очень отличаются от пальори, — кивнул Эрмир, — И мне с одной стороны они нравятся, а с другой, не знаю, смог бы я жить среди них. Утомляют очень! Они слишком громко все чувствуют. Еда у них вкусная, это да, но вино, как компот.

Гай вновь не сдержал смешка. Его ученик принес ему в подарок пару бутылок лашаманадского вина и Гай угостил его самого за ужином.

— Завтра пойдешь с нами в Лаукар? Нам с Мальшардом надо туда по делам, завтра третий день месяца — день самых крупных сделок там.

— Спрашиваешь! Конечно, пойду. К Дарку и Арикарде зайдем?

— Я там тебя оставлю почти на весь день, — кивнул Гай.

Весь следующий день Эрмир провел, обучаясь серфингу, поедая клубнику и рассказывая всем, кто готов был его слушать, о путешествии в Армарль. Вечером Мальшард обучал его правильному применению заклинания «шаг», в итоге домой из Лаукара Эрмир смог перенестись сам, за те же 4 ашина, что с одного конца города на другой.

— Ты просто решил, что тебе нужны 4 ашина, на самом деле ты можешь и без них, — заявил Мальшард.

— Пусть с ними, если оно ему спокойнее, — великодушно разрешил Гай.

— Пусть перемещается пока в одиночку, вот это важно, а ашины… ну, если не жалко тебе просто так их тратить, что же тут скажешь, — пожал плечами ведьмак и добавил, глядя на довольного собой Эрмира, — просто помни, что ты можешь перемещаться куда угодно, в конце концов, ты еще и ветер. Однажды тебе надоест расходовать деньги на ерунду.

— Не надоест, — заржал у него за спиной Гай, кивнув на корзинку клубники, купленную его учеником пока тот прыгал из города в пригород, где был дом Дарка и Арикарды, отрабатывая «шаг».

— Клубника — это не ерунда. Дарк говорит, она полезна для настроения, — с трудом сохраняя серьезное выражение лица, возразил парень, но все же рассмеялся.

После этих волшебных, безмятежно веселых дней, Эрмир оказался совершенно не готов к тому, что его ожидало впереди. Он слишком расслабился и привык к дружелюбному принятию себя со стороны окружающих.

Следующий день был всеобщим школьным выходным. В три часа после полудня в гости заявились Гелара и ее подружка Иви, чтобы после идти вместе на каток. Оттуда их должна была забрать Аодари и, возможно, сводить в иллюзион или куда-то перекусить.

Как Эрмир и предполагал, сестра осталась не в восторге от его нового цвета волос. Иви долго присматривалась, но отнеслась куда более благосклонно, заявив, что: — «это тебя не портит, но странно». Это было куда лучше вердикта Гелары: — «какой ужас, что ты с собой сотворил?!». Раньше он не обратил бы внимания на ее слова, что может понимать мелкая девчонка, сейчас же почему-то не смог так легко отмахнуться. Ссориться и спорить с ней теперь он не желал ни при каких обстоятельствах.

Фаст считался первым весенним месяцем, но в Калантаке мало чем отличался от зимы. Лишь в конце, перед самым Весенним Равноденствием, завершающим Фаст, начинал окончательно сходить снег и по-настоящему теплело. Открытый каток Калантака работал до двадцатого дня Фаста включительно.

— Ладно, сейчас оденусь и пойдем кататься на коньках, — буркнул Эрмир, направляясь к себе, — подождите в гостиной, я быстро.

— И не покажешь нам новые рисунки? — крикнула ему вслед Иви, — Ты обещал мне мой портрет!

— Ладно, идем со мной, — вздохнул Эрмир.

Дверь в кабинет Гая была приоткрыта, он все прекрасно слышал, но вмешиваться не хотел, как и возиться еще и с другими детьми.

Вскоре все трое удалились. У Гая на этот день был план — сходить к целителю в соседний дом, узнать, как долго ему хромать, а после долго и со вкусом лежать в ванне, в кровати и на диване. Однако смутная тревога не позволила взять и пойти домой после приема у Даники.

Нога заживала. Намного медленнее, чем ему бы хотелось, но значительно быстрее, чем ожидала сама Даника.

У Эвара в гостях были Страж Порядка хорро Азал и Юна. Гай был рад их видеть, но задерживаться не стал, до его прихода они обсуждали нечто личное и его не касающееся, он не хотел мешать. К тому же, его самого раздирало иррациональное ощущение надвигающейся катастрофы, потому он не стал себя уговаривать «не страдать паранойей», а увеличил гир и полетел в сторону катка, сразу как вышел из соседского дома.

На катке был аншлаг, как и в любой другой всеобщий неучебный день. Заметив среди катающихся знакомую фигуру с растрепанными, торчащими во все стороны кроваво-черными волосами, будто припорошенными снегом, благодаря тонким белым прядям, Гай в миг успокоился, взял в открытой таверне себе кофе с карамельным сиропом и хотел уже идти устраиваться на трибуне для зрителей, когда услышал у входа на каток громкий окрик:

— Эрмир! Иди сюда!

Гай надвинул капюшон поглубже и посмотрел в сторону того, кто кричал, сосредоточив все свое внимание. Молодой ведьмак пальори, едва достигший возраста полной силы или чуть моложе. Никакой угрозы или дурных помыслов от него не исходило, в отличие от стоявшего рядом с ним взрослого, если не сказать пожилого, но все еще могучего и слишком высокого даже для пальори ведьмака. Тот просто кипел от желания свернуть юному Мертвому Ветру шею, хоть выглядел абсолютно спокойным. Гай протиснулся ближе, облокотившись о бортик ограды катка, как и многие другие, ждущие своей очереди войти кататься. Поскольку на льду уже было не протолкнуться, вход для новых посетителей временно закрыли.

Эрмир явно не испытывал большой радости, что его выдернули с катка, подошел к молодому ведьмаку. Гай стоял очень близко, но его никто не видел в толпе вокруг.

— Тайрдэль, как ты тут оказался? — хмуро спросил он, — Я не думал, что ты захочешь меня видеть.

— Каникулы у меня, я приехал домой погостить. Честно говоря, не хотел, — признался тот, — Меня попросил Садар.

— Здравствуй, — кивнул Эрмиру второй ведьмак, — Ты должен помнить меня, я брат твоего отца, — его голос звучал спокойно и сдержано, — Мне нужно поговорить с тобой.

Все трое отошли в сторону от входа. Гай последовал за ними, остановившись на расстоянии в полтора метра за спиной своего подавана, который очень хотел поскорее закончить этот совершенно неинтересный для него разговор.

— Что с твоими волосами? Ты даже на ведьмака не похож, — фыркнул Садар, уже с трудом сохраняя хладнокровие, — Будь моя воля, я бы сделал из тебя достойного пальори, ну, да ладно, это не в моей власти. Я хотел тебе сказать о другом. Ты должен запомнить раз и навсегда, ты мертв для всех 11 кланов, у тебя нет и не может быть будущего в чистокровной общине, чтобы не предпринимал твой прадед со стороны матери! Не питай иллюзий! Я не допущу, чтобы такой как ты вошел мужем в чей-то чистокровный дом!

Эрмир явно вздохнул с облегчением.

— Я клянусь вам, мне неинтересна чистокровная община ни в каком виде и качестве, последнее, что я хотел бы, так это вступать во временный брак с чистокровной пальори. К счастью, теперь я свободен от этой повинности.

Садар резко саданул его по лицу, казалось, просто не успел поймать собственную руку. Тайрдэль моментально закрыл Эрмира собой, развернувшись к Садару:

— Не смей!

Однако Эрмир также стремительно оттолкнул брата и шагнул к Садару сам. Все произошло мгновенно, ведьмаки могли двигаться молниеносно. Гай скорее почувствовал, чем успел заметить черный дым, зависший в паре сантиметров над головой парня, готовый лететь в уши, глаза, нос противнику.

— Эрмир! — гаркнул Гай, — Чем это ты тут занимаешься? — убедившись, что его услышали, он нарочито не спеша подошел ближе, откинув капюшон назад. Тайрдэль и Садар удивленно воззрились на него, Эрмир мгновенно остыл, дым вновь впитался в волосы. Садар, ожидавший, что племянник бросится на него с кулаками и готовый продемонстрировать ему неравность их сил, так и не осознал грозившей ему опасности.

— Гай, я…

— Доброго вам дня, господа, все вопросы вы можете задать мне, я — наставник Эрмира — Гай чуть поклонился, опираясь на трость двумя руками.

— Я — Тайрдэль, — с явным облегчением представился молодой ведьмак, — Эрмир — мой брат по матери.

— Садар, — буркнул второй ведьмак, — Я — бывший родственник вашего ученика, мне нужно было закрыть старые семейные вопросы. Более у меня вопросов к нему нет. Он больше не чистокровный ведьмак, да и не ведьмак вовсе, — он смерил Гая задумчивым взглядом. Он отлично знал, что перед ним богатый, влиятельный и очень сильный маг и не желал с ним конфликта, — Я вижу, кто является примером для моего бывшего родственника, на кого он жаждет быть похожим даже внешне. Но вы аркельд, господин Гай. Он не сможет стать таким, как вы.

— И не нужно, он тот, кто он есть — воплощение Мертвого Ветра, он один такой в Алаутаре, — лучезарно улыбнулся Гай, приобнимая своего ученика за плечи, тот успел осознать, что мог только что сделать, и запаниковал.

С катка вышли Гелара и Иви, но не стали подходить близко. Тайрдэль улыбнулся им, давая понять, что все в порядке и что он скоро сам подойдет и все объяснит.

— Я не побеспокою более вашего ученика или вас, — медленно произнес Садар, — я недооценил то, насколько желательна создавшаяся ситуация для, — он не сдержал сарказма, — Мертвого Ветра. Я думал, он все же имеет достоинство чистокровного ведьмака. Я рад, что все так, как есть, это все сильно упрощает. Приятного вечера, господа, — он коротко кивнул, глядя только на Гая, развернулся и быстро ушел.

— Гай, я… — Эрмир окончательно скис.

Гай вручил ему свой остывший кофе и тихо сказал:

— Все хорошо, ничего не случилось, забудь.

— Я хочу домой, — вздохнул он.

— Сейчас пойдем, потерпи.

Тайрдэль помахал девчонкам, те тут же подбежали к ним. Гелара крепко обняла старшего брата. Иви с тревогой смотрела на Гая и Эрмира.

— Что случилось?

— Ничего особенного, просто я пришел за Эрмиром, оказалось, нам надо срочно встретиться с его будущим преподавателем в школе Сайнз, не задумываясь, соврал Гай.

— Ну, вот! — расстроилась Гелара, — Завтра он придет к нам домой? Завтра пятый день, мы будем ждать…

— А вы сами не хотите придти к нам в гости? У нас есть клубника.

Эрмир вымучено улыбнулся.

— Да, так было бы лучше.

— Хорошо, я передам маме, — кивнула Гелара, — Ты какой-то странный ты что-то сотворил плохое? — она с тревогой посмотрела на брата и после на Гая.

— Нет, что ты, он просто расстроен, что на сегодня его развлекательная программа закончена.

— Да… — кивнул Эрмир.

— Рад был познакомиться, господин Гай, жаль, что при таких обстоятельствах, — вздохнул Тайрдэль.

Он не стал прощаться с братом, можно сказать игнорируя его в упор, но пообещал Гаю дождаться Аодари, Орвиру или Кадъераина и передать им девчонок «с рук на руки».

— Гай, я гуляю в Калантаке одна давно, что тут может случиться? Это же каток, — осуждающе покосилась на него Иви.

Гай улыбнулся и заставил Эрмира снять все же коньки, о которых тот забыл. Десять дней назад он купил себе свои собственные, даже если бы он ушел в них, никто бы не расстроился, но по фармарисовым мостовым в коньках ходить было неудобно.

Они дошли только до ближайшего сквера, Гай указал своему ученику на лавку-качели. Эрмир буквально рухнул на нее, закрыв лицо ладонями.

— Ты ведь знаешь, что я хотел сделать, да?

— Знаю, — Гай аккуратно усадил себя рядом с ним, вытянув негнущуюся ногу вперед, — все обошлось, намерение — еще не преступление. Я не оправдываю тебя, но понимаю, — он перевел дыхание, найдя оптимальное положение для своей ноги, позволявшее не ощущать боли, — Он ударил тебя, ты собирался ударить в ответ удобным тебе способом.

— Я не позволю больше никому себя бить, — рвано вздохнул Эрмир, — никто не имеет на это право, раз уж даже ты этого не делаешь. В следующий раз я обещаю не пользоваться магией, если мне придется ударить в ответ.

— Ударить можно по-разному, ты же в курсе? — усмехнулся Гай, — Ты мог рассыпать в пыль его кольцо, например, я бы слова не сказал, он бы понял, что с тобой шутки плохи и любой Страж Порядка посчитал бы твой ответ правомерным.

Эрмир ошарашено на него посмотрел.

— Ты совсем не злишься?

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, — хмыкнул Гай.

— Я не понимаю…

— Я помню жизни Гаитоэранта. Он был смертным в другом мире, — пожал плечами наставник, — вернее, считал и ощущал себя таковым и часто казался себе беспомощным перед миром. На моих руках много крови. Я не был добрым и всепрощающим многие тысячелетия.

Эрмир смотрел на него с открытым ртом.

— Ты должен запомнить, со всем, что ты сделаешь, тебе придется жить. Жить долго. И, возможно, помнить все содеянное тобой, если дух Мертвого Ветра, то есть твой дух, решит, что ему важно это помнить, даже после смерти и в другом теле. Тем более, в тебе много Воды, ты заточен помнить все. Прежде чем кого-то убить, ты должен быть уверен, что действительно хочешь этого и не пожалеешь потом. Я не могу осуждать тебя, я хочу оградить тебя от этой ноши. Не разрушай себя из-за тупых смертных, неспособных оценить грозящую от тебя опасность, — заключил Гай.

— Если хочешь, я уберу макалитово-рубиновую смесь с волос, это действительно оружие для меня…

— Поэтому пусть будет с тобой, — прервал его Гай, — иметь оружие не значит убивать им. Твои клыки тоже оружие, что теперь вырвать их?

Эрмир улыбнулся.

— С ножами же никто не ходит.

— А с клыками ходят и с тростями, — он крутанул свою трость в руках, не оставив у собеседника сомнений, что ее можно использовать как опасное оружие, — Ты же не хочешь снова стать блондином?

Эрмир покачал головой.

— Ну и все, о чем мы говорим тогда.

— Я клянусь тебе, я буду помнить этот разговор, я постараюсь не разочаровывать тебя.

— Если в аналогичной ситуации ты развеешь все пряжки, пуговицы, застежки на одежде противника, с него упадут штаны, но никто не надышится этой пылью, я не буду разочарован, — хмыкнул Гай.

Эрмир улыбнулся и кивнул.

— Слушай, а почему у твоего старшего брата практически калатарийское имя? — спросил Гай, больше для того, чтобы сменить тему, чем желая знать ответ.

— Он сын аркельда со многими калатарийскими предками в родословной, — объяснил Эрмир, — Отец считал его большим пальори, чем меня, — и, помолчав, добавил, — и любил намного больше, чем меня, не имея никакой власти над его судьбой. Мы с Тайрдэлем не ладили. Я давно его не видел, он поступил в магическую школу строителей в Мильде четыре года назад и живет там.

— Садар тоже из Мильда?

— Нет, он из Шокра. Он просто каждые десять лет приезжает в Калантак на соревнования здешних школ боевых искусств, набирает воинов для охраны своих торговых кораблей. Гай, можно задать тупой вопрос?

Тот кивнул.

— Хотя ладно, не важно, я сам знаю ответ.

— Ну, нет, друг любезный, говори, иначе я скончаюсь от любопытства, — возмутился наставник.

— Не могу, — Эрмир замотал головой.

— Я не читаю мыслей и эмоций, — предупредил Гай, — но точно знаю, что ты хочешь задать этот вопрос. Спрашивай, меня трудно чем-то удивить. Я отвечу честно.

— Как… — его голос дрогнул и он выпалил на вдохе — Можно как-то убрать старые шрамы с тела?

— Вот этого не знаю, — спокойно ответил Гай, — Солеа может убрать любые шрамы сколько угодно старые и хоть бы от белого огня, но ее высокоблагородие не является в Алаутар по четкому расписанию. Других настолько же гарантирующих результат способов я не знаю, но я и не целитель, — Он посмотрел на мальчишку, заметив стоящие у того в глазах слезы, — Время лечит любые шрамы, со временем они исчезают. Иногда времени нужно больше, иногда меньше.

— Они как белые волосы — неоспоримое свидетельство, что я рожден чистокровным ведьмаком, — вздохнул Эрмир.

Гай на секунду задумался и как бы между прочим сказал:

— Калатарийские рубашки расстегиваются спереди, если не снимать их с рукавов, то они никак не мешают наслаждаться телесной близостью и берегут спину от нескромных глаз. В темноте плохо видят не только калатари, но и многие аркельды, а твои шрамы просто белые полоски, их не почувствовать на ощупь, к тому же, их мало и они небольшие, лет через 10 твой магический потенциал их сведет на нет, если твое сознание не будет за них цепляться, может, даже раньше, не загоняйся.

— Я думал о серфинге, мужчины катаются на досках в коротких штанах, но не в рубашках, летом только все одетые, чтобы не обгореть, — Эрмир вновь тяжело вздохнул.

Гай засмеялся в голос.

— Прости, я забываю, что ты еще совсем-совсем юный.

— Нет, наоборот, я очень тебе благодарен. На эту тему я бы, как ты говоришь, загнался бы намного сильнее, я просто не успел об этом подумать. А когда бы подумал, возможно, решил бы остаться одиноким на десять лет или навсегда, это было бы грустно.

— О, да, таких крайностей точно не надо. Ну, что идем домой? — Гай выразительно крякнул и с превеликими предосторожностями поднялся с лавки, — Серфинговать можно в чем угодно, нет правил, как одеваться при этом.

— Ну, не скажи, когда катаешься не один, всем есть дело. Дарку и Арикарде нет, потому что они меня знают, но я ведь не только с ними буду кататься, когда научусь… — возразил Эрмир, допивая холодный кофе, который все еще держал в руках.

Гай не стал спорить, он знал, что в возрасте его ученика невозможно поверить в то, что «внешний образ это не главное».

— Почему не продают холодный кофе? Это ведь вкусно! — возмутился его ученик.

«Ведьмакам любой кофе вкусный» — подумал про себя Гай, но вслух ничего не сказал, просто спалил белым огнем пустой стаканчик, который его ученик готовился смять и сунуть в карман.

* * *

Аодари и Гелара явились четко к завтраку. Конечно, для них это было уже «время, близкое к обеду», но Эрмир с Гаем редко завтракали раньше полудня, потому гостям тут же предложили «составить им компанию».

Гелара впервые попробовала клубнику. В Калантаке эта ягода появлялась всего три недели в году и стоило дорого. К тому же, здесь она никогда не была такой крупной и сладкой как та, что Эрмир притащил из Лаукара.

Заодно он рассказал о своем путешествии в Армарль и в Лаукар, о серфинге, единорогах и аклинахах. Сестра слушала его, открыв рот в самом буквальном смысле. Аодари с грустной улыбкой. Она не выразила удивления и ничего не сказала по поводу его нового цвета волос, видимо, заранее зная, что ей предстоит увидеть.

В какой-то момент, еще не допив кофе, Эрмир притащил за стол свой новый альбом с рисунками, чтобы показать сестре карандашные наброски лаукарских морских пейзажей и сер-

фингистов на волнах. Гелара покосилась на не отреагировавшего на столь вопиющую неучтивость за столом Гая, продолжавшего доедать фрукты. Аодари вздохнула, перехватив взгляд дочери:

— Дома не вздумай так делать сама, по крайней мере, когда кто-то кроме нас с тобой еще будет за столом!

— Ой, простите, я забыл… — опомнился Эрмир, собрал рисунки, допил одним глотком кофе и поманил сестру на диваны.

— Идем туда, мама, Гай, приятной трапезы.

Гелара быстро засунула в рот последние три ягоды клубники и ускакала следом за ним.

— Я так понимаю, строгих правил в вашем доме не много, — улыбнулась Аодари Гаю.

— Они просто немного другие. Некоторые незыблемые, — он усмехнулся, — например, ни в коем случае не будить меня, по утрам, я страшен в гневе, могу крайне неучтиво ругаться. А за столом я сам часто работаю, пока Эрмир или мои гости едят. Я сам злостный нарушитель этикетных устоев.

— Я бы хотела, чтобы все мои дети росли в столь же злостном наплевательстве на устои, — вдруг тихо призналась ведьмачка.

Эрмир и Гелара хохотали в другой части большой гостиной и слышать разговор за столом не могли. Гай решил «сунуть нос не в свое дело» самым неучтивым образом.

— Почему вы вышли за Нирдэра? Простите мне мое любопытство, я лишь недавно узнал о нравах и правилах чистокровных семейств, я не предполагал прежде, что так тоже бывает.

Аодари ничуть не оскорбилась. Ему показалось, она хотела поговорить на эту тему сама.

— Я была раздавлена смертью моего первого мужа. Нирдэр оказался рядом. Мы встречались с ним в далекой юности, но мне не нравилось то, как он зависим от своего клана. Потом мы расстались и много лет не виделись. Когда мой супруг погиб, Нирдэр меня очень поддержал. Мой сын от первого брака Тайрдэль очень к нему привязался. В итоге мы заключили временный союз, я считала, рождение детей мне поможет справиться с моим горем, тем более, в любом случае мне пришлось бы побывать в браке с чистокровным, почему не с тем, кого давно и хорошо знаю, кто любит меня и моего сына… За эти 19 лет я тоже полюбила Нирдэра, но…

— У вас разные взгляды на воспитание детей, — закончил за нее Гай.

Аодари кивнула.

— Просто он чистокровный, ничего не поделать. Тайрдэль остался свободен от правил чистокровного мира, судьба Гелары лишь в моих руках, за нее я спокойна, но Эрмир и Ардрид… Ардрид покладист, почтителен и прост, с ним легко, — она перевела взгляд на внимательно слушавшего ее Гая и быстро договорила, — То что произошло в руднике было благом. Последние три месяца до этого Эрмир все больше уходил в себя, он стал казаться безразличным к жизни, неизвестно, как бы все повернулось, если бы не его выходка, благодаря которой он стал вашим учеником. Я снова сплю по ночам с тех пор, как увидела его в вашем доме, похожим на обычного восемнадцатилетнего парня, с настоящими эмоциями.

— Аодари, позвольте мне еще неучтивый вопрос, рожденный исключительно моим любопытством.

— Любой, — улыбнулась она.

— Эрмир похож на ваших родственников, так? У него ваши глаза.

— Да, это не частое явление, чтобы чистокровные мальчишки пальори наследовали черты внешности по материнской линии, но бывает. По словам моей матери, Эрмир внешне — копия моего дяди, который умер во цвете лет, погиб при кораблекрушении, сама я не знала его. На родню Нирдэра он совсем не похож…

— Ваши бабушка и дед родились в Алаутаре? — напрямую спросил Гай.

Аодари кивнула.

— Да, конечно, моему клану более семи тысяч лет, а клан моего деда один из древнейших. Но почему вы спросили?

— Мой ученик неприлично похож на весьма конкретную разновидность ведьмаков. В Алаутаре таких только трое, двоих из них знает весь мир.

— Батъёри? — ее зрачки сузились и резко расширились от внезапной догадки, — она посмотрела на Гая долгим оценивающим взглядом.

— В роду моей матери много оборотней, — наконец, решилась она. — Бытует легенда, что мой женский клан произошел от некого разумного снежного барса. В Алаутаре таковых нет, как вы сами знаете. Любой разумный снежный барс — просто чистокровный пальори оборотень. Однако легенда гласит, что первый разумный барс явился из другого мира и прожил много лет в Сизых горах близ Ребдмера и лишь потом принял облик ведьмака и соблазнил девушку пальори, дочь той, что сама пришла из другого мира. Потом затосковал и спустя несколько лет сбежал обратно в лес снежным барсом, оставив жену с тремя дочерьми большой магической силы. Мой женский клан не знает рождений детей немагов, господин Гай.

— Вот как… — озадачено протянул тот.

— Это легенда…

— О, не беспокойтесь, частные семейные тайны и легенды в любом случае не подлежат оглашению. Я просто безмерно любопытен. Прошу еще раз прощения за мою неучтивость.

— Вы навели меня на странную мысль, — призналась ведьмачка, нисколько не оскорбившись и вовсе не испытывая желания немедленно сменить тему, — Считаете, снежный барс был?

Гай улыбнулся.

— Да кто же его знает. Батъёри Изначального мира сильные маги, но, насколько мне известно, ни дарик Агелар, ни дарик Ордъёраин не владеют искусством обращения. Они могут стать ветрами, но не барсами или кем-то еще с шерстью и хвостом. А вот о подобных способностях пальори в Изначальном мире я слышал. От них же, — тут же добавил Гай, заметив удивленно распахнутые глаза собеседницы, — Вы же, наверняка, знаете, что именно я нашел Инвервиру…

— Ах, да, — кивнула Аодари, — конечно знаю. Неудивительно, что догадки о происхождении малышки обсуждались при вас.

— Все ведьмаки Алаутара, так или иначе, ведут свой род от ведьмаков Изначального мира, каким-либо образом оказавшихся тут. Почему один из таких пришельцев не мог бегать по лесам в облике снежного барса? Все логично и правдоподобно, — а про себя подумал, что только в облике барса батъёри мог проникнуть в Алаутар, иначе этот мир его бы не пропустил.

— Мама, посмотри это твой портрет! — крикнула Гелара, размахивая одним из листов.

Гай и Аодари поспешили закончить завтрак. Ведьмачка присоединилась к детям на диване в гостиной, а «занятой наставник» сбежал в свой кабинет «работать».

* * *

Все услышанное от матери своего подавана Гай при первой же возможности обрушил на Кайлин, Ордъёраина и Волрклара. И в первый момент никто из них не удивился и не нашел эту историю сколько-нибудь интригующей.

«Даже если барс был, все тривиально. Пальори Изначального мира пришел в Алаутар барсом, потерял, как водится, память, потом вспомнил, что может ходить на двух ногах…» — смеялся Ордъёраин.

Однако спустя еще несколько дней Гая навестил заинтригованный Волрклар, выбрав момент, когда Эрмир был на катке, чтобы сообщить, что пытался «прозреть историю с хвостатым предком Мертвого Ветра и не смог». Все происходило в Сизых горах, видимо, близко от какого-то суффера. Он не смог преодолеть эти помехи. Он даже позволил себе ничем не оправданное неприличие — заглянуть в спальню к ведьмачке, предполагаемой пра-пра-пра

бабке Аодари. Ничего не вышло. Он видел ее, когда она жила одна, потом с дочерью, потом с двумя, наконец, с тремя, потом вновь, как будто, одна. Причем, жила она безбедно и казалась довольной жизнью больше ста пятидесяти лет после рождения третьей дочери, а вот дальше резко угасла и, похоже, умерла от тоски. Но ни хвостатого, ни самого обычного мужа Волрклар так и не смог увидеть, только помехи и зеленые кошачьи глаза, всплывали всякий раз, стоило ему подумать о происхождении этих трех дочерей, интимной жизни женщины или посмотреть целиком весь ее обычный день ее глазами или глазами ее детей.

— Как будто этот барс носил ошейник из суффера, — подытожил Волрклар, — Зачем только, вот вопрос, не для того же, чтобы скрыть от меня свой хвост.

Гай засмеялся в голос, подумав, как двояко звучит эта фраза.

— Кстати, я рассказал о настолько пристальном моем внимании к этой давно почившей женщине только тебе, — предупредил Волрклар, — Даже Айра не в курсе.

Гай едва не икал от смеха.

— Все верно, жена не должна знать о твоих попытках посмотреть порнуху, я нем как могила.

Волрклар осуждающе покосился на него, не выдержал, тоже засмеялся, но вернулся вновь к теме:

— Все это случилось около семи тысяч лет назад. Клан Аодари считается самым молодым и она совершенно не преувеличила, сказав, что среди рожденных женщинами ее клана детей нет немагов. И смерть ее дяди тоже была странной. Я не увидел, чтобы он погиб, скорее, исчез из мира во время кораблекрушения. Вероятно, он провалился в Изначальный мир. И да, он тоже был похож на батъёри больше, чем на пальори, хоть и не был воплощением Стихии. Просто сильный маг.

— Алаутар выкидывает батъёри домой, как Изначальный мир тех, в ком течет кровь Алаутара? — удивился Гай.

— Я считаю, Дамарду и Светлане стоит еще раз посетить Изначальный мир и уточнить этот момент, — кивнул Волрклар, — Ты больше не говоришь во сне с Великим Морем?

— Лет десять уже, — вздохнул Гай, — я иногда чувствую ее присутствие в своих снах и даже запоминаю это, но нет, не говорим. Видимо, не о чем, — прозвучало как-то обижено и жалко, он поспешил добавить, — Я имею в виду, что ее устраивает все, что она видит, — чтобы закрыть тему он позвонил в колокольчик, — Не знаешь, мой подаван еще не собирается домой? — спросил он у Волрклара, когда слуга появился перед ними.

Ведьмак достал из кармана эфирное зеркальце и, заглянув в него, усмехнулся:

— Нет, точно не в ближайшее время.

— Принеси нам трубки и табак, — распорядился Гай.

Волрклар удивленно посмотрел на него, пришлось пояснить.

— Из-за этого паршивца я теперь курю в кабинете, когда он дома. У него какие-то вьетнамские флешбеки от обыкновенного табачного дыма.

Волрклар был способен понять любой язык, фраза ему была хорошо знакома, но удивление в его глазах не стало меньше.

— Ты не должен идти на поводу его страхов. Они иррациональны, — в итоге выдал он.

— И смотреть как его корежит? — скривился Гай, — Настроение курить пропадает сразу.

— А почему корежит, ты не спрашивал?

— Разве это не его личное приватное дело? Захотел бы рассказать, рассказал бы…

— Есть травмы, исцелиться от которых можно, лишь рассказав о них, — уверено возразил Волрклар.

— А ты сам не можешь подсмотреть и рассказать мне?

— Я не имею право лезть в чужие приватные тайны, — с достоинством оскорбленной невинности заявил ведьмак.

Гай вновь заржал в голос. Волрклар, осознав контекст их беседы, засмеялся громче него.

Слуга каро принес им трубки. Разговор свернул на тему устройства «стола-фондюшницы», который изготовил себе Ордъёраин в обновленной лаборатории рудника Модирмаха. Волрклар успел оценить его преимущества, будучи в «гостях у соседей» и теперь раздумывал, стоит ли ему обзавестись таким же или подобная игрушка способна ему быстро надоесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.